

Валентина Савенко

Секретарь палача

Фэнтези • Любовный роман • Детектив

Annotation

Когда Арлину, осужденную за покушение на жизнь мага, навещает незнакомец и предлагает стать своим секретарем, она соглашается. Выбор очевиден: вместо смерти на эшафоте — возможность начать жизнь заново. А то, что внезапный благодетель — палач, не страшно. Какая разница, для кого заваривать чай и разбирать бумаги? Но все не так просто. Смертельные случайности следуют за палачом по пятам. Да и сам он, похоже, имеет не один скелет в шкафу. Кто он на самом деле? Как связан с тем, что происходит в столице? Подскажет эхо прошлого и сердце. Но девичьи сердца часто ошибаются, а эхо искажает реальность.

Валентина Савенко

Секретарь палача

Карие глаза в прорезях алой полумаски сузились, выдавая нетерпение сидящего напротив мужчины. Это единственное, чем палач показал свою заинтересованность в моей персоне.

Я, продолжая разглядывать нежданного визитера, незаметно проверила маскировку на своей ауре. Все на месте. Верхний слой, превращающий меня в человека, переливается стандартными для смертной радужными цветами. Нижний, изменяющий мою истинную сущность, — яркий, огненный. Он нужен на случай, если кто-то догадается, что я — нечеловек, и снимет фальшивую ауру. Второй слой сорвать практически невозможно, по крайней мере, не человеку. И даже не каждому магическому существу это под силу. Меня же навелstil человек, могущественный маг, скрывающий уровень своей силы и позволивший, чтобы я догадалась об этом.

Плохо, очень плохо!

До того, как дверь моей камеры открылась и внутрь вошел худощавый шатен в алом плаще и маске палача, у меня была надежда, что я выберусь из переделки живой и практически здоровой. Теперь, когда мне позволили оценить его силу, шансов на спасение не осталось. Еще пара минут, и он проникнет под маску благовоспитанной месс^[1] и наткнется на сияние нечеловеческого существа.

Правду говорит примета, что нельзя праздновать победу заранее!

После суда, где меня единодушно признали виновной, и визита палача оставалось тихо радоваться, что уровень силы здешних магов не позволяет понять, *что я такое*.

Захолустье мною выбрано не случайно, чтобы исчезнуть. Во-первых, далеко от столицы, и вероятность встретить знакомых равна нулю. Хотя это скорее предосторожность, некая привычка скрываться. За двадцать лет даже в памяти вампиров и фениксов события стираются. Во-вторых, здесь ничего не происходит. То есть не происходило до недавнего времени. И, в-третьих, сюда отсылают не самых умелых магов, следуя принципу «ну что может случиться в таком болоте?».

Я снова исподтишка посмотрела на гостя, восседающего на единственном табурете. Небрежно стянутые черной лентой на затылке волосы, алая полумаска закрывает лишь часть лица, высокий лоб, упрямый подбородок, резко очерченные губы, цепкие карие глаза.

Уверена, мой гость привлекателен и прекрасно знает об этом.

Полы длинного алого плаща распахнуты и открывают добротный дорожный костюм из оленьей кожи, достаточно простой, нет ни вышивки, ни тиснения на куртке и сапогах. В таком удобно путешествовать, не привлекая лишнего внимания.

Окружающие догадываются, что перед ними вельможа, но кто именно — неизвестно, и предусмотрительно сторонятся. Ведь путник может оказаться и князем вампиров, и одним из младших принцев оборотней, или кем похуже.

На поясе моего гостя типичное для палачей оружие — свернутый кольцом кнут и короткий меч. Третий атрибут представителей его профессии — кинжал — спрятан за голенищем сапога. Обычно палачи не выставляют оружие на обозрение, умело скрывая его под одеждой, но сейчас мне специально его продемонстрировали.

Палач говорить не спешил, изучал.

Я прекрасно знала, что он видит: совершенно непримечательной наружности месс,

которой можно дать и двадцать пять, и тридцать пять, и сорок лет. Пепельную блондинку с редкими волосами тусклого мышинного цвета, собранными в тугой пучок. Девушку с невыразительными прозрачно-голубыми глазами, белесыми ресницами и кустистыми бровями, с поблекшей, сероватой кожей, бледными губами. Ту, которая прячет свою худобу под темно-серым платьем с воротником-стойкой и изрядно поношенными, но чистыми кружевами; кутающуюся в старую потертую шаль, накинутую на голову, потому что в тюремной камере холодно, как в погребе. Приличная месс, каких тысячи, увидишь и не запомнишь.

Над своей внешностью мне пришлось изрядно поработать при последнем возвращении. От настоящей меня осталось немного. Желание вернуть свой истинный облик и посмотреть, как я изменилась за прошедшие годы, возникало постоянно, но я вспоминала, чем сопровождался процесс, и делала выбор в пользу тускло-серой версии *не-меня*. Этот облик дался мне большим трудом, но оно того стоило — почти двадцать спокойных лет. Вполне прилично оплачиваемая должность библиотекаря. Маленький флигель.

И если бы не Мисса...

Я ни о чем не жалела и, попадись мне эссир^[2] Зосли сейчас, поступила бы точно так же. Никогда не считала себя кровожадной. Даже когда другие на моем месте давно бы убили, я держалась... Пока не услышала шепот эха на том перекрестке. Я опоздала...

— Месс Гвен Кили?

Я согласно кивнула. С этим именем уже свылась, почти забыла настоящее, имя рода даже мысленно боялась вспоминать, слишком много боли оно мне принесло.

И тут я почувствовала, как чужая магия проникает под первый щит.

Сопротивляться было бесполезно — палач явно знал, что я *нечеловек*. Пока он, просочившись под мою маскировку, изучал, что ему попало, я терялась в догадках. Он не уничтожил щит, превращающий меня в человека, не вызвал солдат, чтобы засвидетельствовать раскрывшийся обман. Почему? Для него я преступница, которой вынесли приговор и которую собираются вскоре повесить.

К чему этот заинтересованный прищур карих глаз?

Ожидание было невыносимо, и я решила немного послушать палача, — эхо прошлого, вопреки бытующему мнению, оставалось не только на предметах, зданиях и других неподвижных и подвижных объектах, но и на людях, и животных. Просто оно было слабее, и не каждый мог его услышать.

Для полного погружения мне было необходимо закрыть глаза, но пристальный взгляд палача, продолжающего изучать мой щит и скрытую под ним фальшивую ауру, вынудил меня пойти на небольшую хитрость. Я потерла пальцами виски и ненадолго прикрыла глаза ладонью. У меня была всего пара секунд, потом мой гость заподозрит неладное.

Самым четким было последнее эхо — палач беседовал со своим коллегой, которого я видела раньше. Тот был искренне удивлен расспросами, касающимися меня, безродной библиотекарки, отвечал быстро и подробно, из чего я сделала вывод, что мой палач — отнюдь не простолудин и выше собеседника по должности. Как всегда, эхо исказило голоса, украдо слова, но разговор был не так давно, поэтому мне удалось примерно его воссоздать.

Палач оказался тут не случайно. Кто же его прислал? Неужели я зря надеялась, что время поможет и обо мне забудут? Неужели *Он* нанял палача? Мой гость решил подзаработать? Вероятно, и у дворян бывают плохие времена.

Палач из высшего сословия, и в этом я не сомневалась. Осанка, разворот плеч,

выверенные жесты... Чтобы избавиться от этого, нужно приложить уйму усилий, практически сломать себя. Но сидящий напротив мужчина не скрывал своего происхождения.

И тут я совершила глупость. Попытавшись проверить догадку, продвинулась в глубь времени и, оценив услышанное, густо покраснела. Опять влезла не в свое дело. Несмотря на двадцать лет, проведенных среди людей простых, не склонных делать из личной жизни тайну более того, чем требовали приличия, я все же считала, что на то она и личная, чтобы не совать туда нос.

— Ну что, интересно? — В голосе палача прозвучал сарказм и холодный интерес.

Я испуганно вскинула глаза, понимая, что выдала себя. Осталось выяснить насколько. Подобные мне часто встречались среди огненных и ледяных, и таковыми являлись почти все белые. Я снова проверила щиты — оба были на месте. Верхний слегка смещен вмешательством мага, нижний цел. Сдержать вздох облегчения оказалось не просто, пришлось нервно потереть кончик носа.

— Итак, вы, месс, только что подслушали мою ссору с любовницей. Понравилось? — цинично осведомился палач, вытаскивая из кармана напоминающий брошь амулет.

Я сконфуженно отвела взгляд. Любовница моего гостя в выражениях не стеснялась, даже эхо не смогло сделать ее богатый лексикон менее насыщенным и выразительным. Очевидно, женщина брала уроки красноречия у портовых грузчиков. Хотя, если судить по вежливому и сухому обращению самого мужчины, она являлась трисс^[3] — дворянкой. Я узнала имя своего гостя — Иден. Оно показалось мне знакомым. Но вспомнить, что я слышала о палаче с таким именем, не смогла.

— Итак, сейчас вы, месс, подробно расскажете мне, что на самом деле случилось в доме эссира Зосли. — Палач положил амулет на стол. — Не стоит лгать. — Он легким прикосновением пальцев активировал защиту, закрывая нас магическим пологом, теперь никто не сможет подслушать разговор и остаться незамеченным.

Немного подумав, я решила, что хуже от моего рассказа, не раз записанного слугами правопорядка и принятого за попытку оправдаться, уже не будет. А вот время я выиграю и, возможно, пойму, зачем палачу понадобилась библиотекарьша из захолустного городка. Мой гость не из праздного любопытства просил изложить мою историю. Он знал, что я слушала эхо, и теперь в курсе его интереса. Этот разговор должен расположить меня к нему, дать надежду. Надежду на что? На спасение? Вряд ли.

Он знает о моей нечеловеческой сущности и, конечно, внесет коррективы в исполнение приговора. Не будет никакого повешения, меня убьют специальным кинжалом, тем самым, который палачи носят за голенищем сапога. Меня лишат возможности вернуться, и на этот раз смерть не будет спасением.

Именно этому и учили палачей — убивать любое магическое сознание, даже то, которое нельзя уничтожить обычным способом. Не важно, кто оказался на скамье подсудимых, архивампир или феникс — приговор будет приведен в исполнение.

Если с местным палачом, вчерашним выпускником академии, у меня был шанс на спасение, то сейчас я могла только молиться предкам и думать о том, что смерть будет быстрой. Но так как предки меня никогда не слышали, я решила не впадать в истерику раньше времени и для начала посмотреть, что сделает палач после моего рассказа.

— Ну, что же вы молчите? — язвительно спросил палач. — Или мне напомнить, как вы хладнокровно зарезали эссира Зосли?

Будь я тогда действительно хладнокровной, сейчас не сидела бы в камере, а мерзкий маг не скалил бы зубы на заседаниях суда, радуясь, что у него есть знакомые вампиры, согласившиеся вернуть его обратно.

Они же вернули Миссу.

Я не успела, девочка была мертва, а бесценные минуты упущены. Надеюсь, Мисса уже далеко, вместе со своими трусливыми родителями. Хорошо, что удалось откупиться от вампира, ее воскресившего. За сходную цену он заиклил свою связь с низшей на ней же. Теперь Мисса сама отвечала за свои поступки и не слышала зова хозяина.

На это ушли все мои накопленные за двадцать лет сбережения, о чем я ни капельки не жалею.

— Итак, вы убили ессира Зосли? — повторил вопрос палач с заметным раздражением.

— Да, — равнодушно кивнула я, чувствуя поднимающееся в душе отвращение. Будто подняв нож на мага, сама испачкалась в тех мерзостях, что он творил в подвалах своего дома, прикрываясь лицензией.

Судебные разбирательства шли месяц, в течение которого я пыталась оправдаться в первую очередь сама перед собой. И не смогла. Зосли был убийцей, я — тоже.

Его оправдали, родители Миссы задним числом написали разрешение на обращение на тот момент несовершеннолетней дочери, а маг всего лишь предоставил свой дом для этого мерзкого действия, и суду этого хватило. Я же так и осталась убийцей. И факт, что Зосли относительно жив, никого не волновал.

— И вы так просто с этим соглашаетесь? — В голосе палача проскользнули нотки удивления.

— Да.

— Так что же все-таки произошло в его доме?

— Вы умеете считывать направленные на вас образы? — осведомилась я, понадеявшись на чудо. Ни судья, ни местный палач, ни маги таким умением похвастать не могли. А вдруг мне повезет, и не нужно будет рассказывать то, что словами не передашь.

По губам палача зазмеилась хищная улыбка. Остается сочувствовать местным хранителям правопорядка, потому как, подозреваю, названное умение входит в их обязанности. По правде сказать, никакого сострадания я не испытывала — месяц в тюрьме не прошел даром. Высокого мнения о себе были обитающие здесь ничтожества. Предел их мечтаний — теплая должность и власть над горсткой заключенных, половина которых сидела тут за долги, а другая — за пьяные драки. И только я была *настоящей* преступницей, за что удостоилась лицезреть начальника тюрьмы ежедневно и слушать его нотации о пользе раскаяния для будущих воплощений. А после его ухода не избежать было нелюбезных высказываний в свой адрес от несущих караул стражников.

Про судью и мага я вообще умолчу. Они были целиком и полностью на стороне неудачно убитого мною мага. Их стараниями мерзавец расхаживал по городу, распуская обо мне отвратительные слухи.

Претензий у меня не было только к молоденькому палачу — он не успел надышаться местным воздухом и точно следовал инструкциям. Для него я была делом № 17/1.

— Безусловно, я могу считать образы из вашей памяти.

— Звуки, — поправила я, отмечая, что в карих глазах собеседника промелькнуло удивление.

Я родилась такой. В отличие от других детей, в моей памяти оставались не яркие

картинки, а завораживающие, насыщенные звуки. Отец говорил, что это связано с даром тех, кто слышит эхо прошлого. Именно шорохи, вздохи, шум, шелест — это краски, расписывающие мысленные образы особыми цветами.

— Приступим! — Палач снял замшевую перчатку и протянул мне руку.

Вложив ладонь в сильные, слегка мозолистые, привыкшие к мечу пальцы воина, я случайно коснулась массивного золотого перстня с черным камнем. Кожу несильно закололо, магия украшения признала меня не опасной для своего владельца.

Прикрыв глаза, я начала постепенно передавать отпечатавшиеся в памяти образы.

Скрип двери библиотеки, голоса фонарщиков... Стук моих каблуков по ступенькам, шорох юбки, чавканье грязи под ногами... Удивленный, испуганный вздох, что вырвался из груди, когда на перекрестке я услышала эхо... И само эхо — крики дочери моих соседей, Миссы, умоляющей не трогать ее... Мужской голос, заверяющий, что ей понравится в гостях у ессира Зосли... Мое сиплое дыхание, стук сердца...

— Про мага ходили разные слухи, но до того вечера они ничем не подтверждались.

Я открыла глаза, мне нужно было собраться с духом, чтобы показать то, что случилось в доме мага.

— Когда я поняла, куда увели Миссу, меня словно молнией ударило. Но я до последнего надеялась, что ошиблась.

Палач внимательно слушал. На миг мне показалось, что карие глаза в прорезях маски почернели от злости, но мужчина быстро взял себя в руки и терпеливо ждал, когда я продолжу свой рассказ. Что это было? Игра света? Или мой гость действительно разозлился? Но почему? Официально мага оправдали, и перед законом, а значит, и перед палачом, он чист.

— Месс! — Очевидно, терпение мужчины подошло к концу. Сжав пальцами мою ладонь, он приказал: — Показывайте!

Сглотнув вязкую слюну, я начала медленно воскрешать в памяти события того вечера.

Нервный стук в дверь, сердитое заявление дворецкого, что хозяин занят... Эхо криков Миссы, в них столько ужаса и боли, что хочется самой закричать... Гулкий удар и шипение старика, рискнувшего не пустить меня внутрь... Стук каблуков, протяжный скрип двери подвала, удивленный возглас мага... И мой пронзительный крик, в котором было слышно мою птицу, когда я поняла, что опоздала, что время ушло, и теперь Миссу не вернуть... Тихий клекот и звон стали, шорох оседающего на пол тела и едва слышный звук падающих на мраморные плиты капель крови с ритуального ножа, которым маг убил девочку, а я его...

— Если вам будет легче, ессира Зосли отослали в поместье его господина. Вампир, его вернувший, решил, что ему необходим слуга для чистки отхожих мест. — Палач всмотрелся в мое лицо. Похоже, моя искренняя радость его вполне устроила. — Вампир не знал, кем является его знакомый на самом деле, а убивать низших у них не принято. Мисса тоже не останется без поддержки. Вернувшие ее лэры^[4] решили определить девушку в закрытый пансион. Ваши деньги они перевели на ее счет в банке.

Отличные новости! Мисса получит хорошее образование и шанс чего-то добиться в жизни, а мои деньги ей помогут. Маг проведет свою долгую жизнь низшего за чисткой нужников. Вампиры оказались хорошими ребятами, хоть и скрыли, что являются высшими с дворянскими корнями.

А что, если именно из-за них я сейчас разговариваю с палачом? Не смогли освободить меня и решили помочь безболезненно уйти в мир иной? Хотела бы я знать, что будет делать

палач, получивший вместо нежной месс — меня...

— Вы умеете заваривать чай? — Палач был серьезен. Не похоже, чтобы ему нравились глупые шутки.

Меня раздражало, что из-за кольца я не могу полностью увидеть его ауру. Только абрис вполне человеческой формы. А в начале нашего разговора он не был закрыт. Тогда я побоялась внимательно разглядывать, надеялась остаться в его глазах человеком.

Так же как и в случае с силой, ауру мне увидеть позволяли.

То, что артефакт еще и закрывает палача от особо любопытных магов и нелюдей, меня не удивило, — когда рядом живет столько рас, половина из которых нечисть, это вполне оправдано. Не удивлюсь, если кольцо защищает палача и от ментального воздействия.

— Месс? Так что с чаем?

Я неуверенно кивнула, подозревая, что это какой-то извращенный розыгрыш. Может, у палачей принято издеваться над приговоренными преступниками. Ведь никто мне чай в камеру не принесет, и тем более не позволит его заваривать. Заключенным положен безвредный ромашковый настой для спокойствия, разведенный бережливыми тюремщиками до состояния бледно-желтого кипятка.

— А кофе? — не унимался мужчина.

— Если очень нужно, то могу научиться.

— Как у вас обстоят дела с бумагами? — продолжал абсурдный допрос мой гость. — Сможете отсортировать корреспонденцию по степени важности?

Пожала плечами, не понимая, зачем все эти глупые вопросы.

— Научитесь? — В голосе палача снова послышался раздражающий и нервирующий меня сарказм.

— Если будет необходимо. — Меня так и подмывало использовать против него природное очарование. То, что я нелюдь, он знал, так что скрывать свои способности не было смысла. Останавливали мой нынешний внешний вид и охрана за дверью. Вряд ли стража поверит, что палач неожиданно вспылал нежными чувствами к месс-мышь, как меня тут прозвали за глаза.

— Последний вопрос: что за жуткий облик вы выбрали?

— Что вы себе позволяете?! — гордо вскинув голову, я провела пальцами по тонким бесцветным волосам. В общем-то, я к этому облику привыкла. Окружающие считали меня по-своему привлекательной, и мужчины в том числе.

— Вы жить хотите? — насмешливо разглядывая меня, спросил палач.

— Станный вопрос. — Надежда робко подняла голову в моей душе. Вдруг он сможет вытащить меня из передраги? Но что Иден попросит взамен? Все в этом мире имеет цену. В прошлый раз я поняла это слишком поздно. — Что вы хотите?

Палач задумчиво покрутил перстень, взял со стола перчатку, неторопливо надел.

Я не понимала, зачем ему понадобился возрождающийся из пепла, успокаивала себе тем, что мужчина не знает, что вторая аура, яркая, сочная, тоже маскировка. С каждой секундой, что палач медлил с ответом, волновалась сильнее. Представляла ужасы и мерзости, которые мне могли предложить. Понимала: соглашусь, потому что смерть на этот раз будет окончательной. А я, по меркам своего народа, еще слишком юная, чтобы смиренно принять неизбежное и отправиться в путь по темным мирам.

— Мне нужен секретарь.

Я замаскировала второй за вечер вздох облегчения негромким кашлем.

— Вы согласны? — спросил палач, усаживаясь на жесткий лежак рядом со мной.

— Что нужно делать?

— Для начала — умереть.

Я подавилась возмущенным вздохом.

— Здесь умереть, — прошептал мне на ухо мужчина, наслаждаясь реакцией. — Итак, месс, слушайте внимательно...

Следующие два дня я провела, как в тумане. Было до дрожи в коленках страшно. Сдержит ли палач слово, ведь найти секретаршу не так уж и сложно! Зачем я ему? Успокаивала себя тем, что он не сообщил страже о раскрывшемся обмане — меня по-прежнему собирались повесить.

Ночь перед казнью я провела, сидя на лежаке и глядя в темноту. Как только за окном забрезжил рассвет, сосредоточилась на своей птице. Услышав довольное курлыканье, старательно ощупала шею, убедившись, что костная ткань перестроилась, и теперь позвонки и трахея как следует укреплены. Распустила волосы, в который раз пожалев, что не оставила свои, густые, накинула на голову шаль и завязала концы вокруг шеи. Палач, конечно, попросит ее снять, но мне это и нужно. Шаль останется висеть на шее и отвлечет палача от того, что скрыто под моей кожей.

Едва часы на тюремной башне пробили семь, как в мою камеру вошли солдаты и одетый в алое палач — не Иден, местный. Я легко разглядела под соответствующей чину полумаской мальчишеское лицо с розовыми следами от угрей.

Положенную мне последнюю трапезу принесли еще вечером, но я не смогла заставить себя съесть ни кусочка. Ограничилась бокалом вина, кислого, с неприятным привкусом грязной посуды, но для тюрьмы очень даже неплохого.

Так что сегодня причин медлить не было.

Под конвоем меня сопровождали по мрачным коридорам и вывели во двор, где находился эшафот.

Порывы ледяного северного ветра раскачивали веревку с петлей, забирались под тонкое платье, заставляя зябко потирать руки и сожалеть, что месяц назад мне не пришло в голову накинуть хотя бы плащ. Для дождливой осени было бы в пору. Зато сейчас, в начале зимы, не пришлось бы пританцовывать на месте, пока палач разбирался, куда дели приставную лесенку, по которой нам надлежало подняться.

Сознание абсурдности ситуации не давало скатиться в панику. Мою шею сейчас не так просто сломать, но всегда есть вероятность несчастного случая. Было бы обидно погибнуть в шаге от свободы и выдать свою нечеловеческую суть, тем самым подвести себя под вполне настоящую смерть, без возможности вернуться.

Спустя четверть часа меня, окончательно продрогшую, заставили забраться на эшафот с помощью высокой табуретки. К тому времени низкие тучи начали осыпать землю белыми хлопьями мокрого снега, которые, налипая на предметы, превращались в блестящую корку. На ней и поскользнулся мой палач. Злой, с разбитой о край эшафота щекой, он торопливо надел мне на шею петлю, даже не попросив снять шаль. Дождлся, когда судья, предусмотрительно расположившийся в крытой галерее, открывающейся на внутренний двор тюрьмы, прочтет приговор, и дернул рычаг.

Трепыхаясь на натянувшейся веревке, я с трудом поборолла страх перед сжимающей горло петлей, закрыла глаза и сосредоточилась на дыхании.

— Мертва, — едва дотронувшись до моей руки, констатировал тюремный доктор, и я

мешком свалилась в обледеневшую грязь.

Пока меня везли на пропахшей тленом тачке в мертвецкую, я старалась вообще не дышать. Во-первых, осталось совсем немного продержаться, во-вторых, доски подо мной пропитались тошнотворным запахом смерти. В тюремном морге состоялась продажа моего «тела» одному из медицинских колледжей — это практиковалось, если у заключенного не было родственников. Меня погрузили в запряженный мулом фургон, и мы покинули тюрьму.

Иден ждал в съёмном доме на краю города, куда меня сопровождали, прикрыв чьим-то поношенным плащом. Мужчина снова был в алой полумаске. Едва кивнув в ответ на слова благодарности, он взял мою руку и галантно поцеловал, будто знал, кем я являюсь по праву рождения, заставив меня удивленно замереть с открытым ртом. Потом резко притянул к себе.

— Потерпите, месс, — прошептал прямо в губы. Черные глаза в прорезях маски испугали до мокрых ладоней.

Я запоздало попыталась отстраниться, птица внутри закричала, забилась, но кинжал точно вошел в мое сердце. Мир померк, оставляя угасающее чувство обиды. Как он мог? Вот так, без моего согласия! Последним усилием я развеяла человеческую ауру (две я не смогу удержать) и привязала огненную фальшивку к своим бранным останкам, заставила ее угаснуть. Когда вернусь, все ему выскажу!

Что было первым: яйцо или курица? Если бы меня спросили об этом, я, не задумываясь, ответила бы — яйцо. Потому что каждый раз, возвращаясь, вначале ощущала себя в наполненной энергией скорлупе. Я была крохотной искоркой, которая, разгораясь, вылуплялась из горящего в изначальном пламени яйца.

Едва слабый птенец поднял головку, я первым делом слегка изменила цвет пуха, а потом и оттенок скорлупы. Бушующее вокруг пламя не дало палачу, наблюдающему за возвращением, увидеть момент моего рождения. Я отличалась от своих огненных сородичей. Их ауру повторяла разгорающаяся с новой силой маскировка, скрывая холодное серебро истинного воплощения.

Птенец, впитывая энергию, быстро рос, принимая свой постоянный облик. Ему очень не нравилось, что я изменила цвет оперения и оттенок искр, сыплющихся с могучих крыльев и длинного хвоста. За двадцать лет моя вторая половина выросла и возмужала, превратившись с едва вставшего на крыло птенца в завораживающе красивую птицу.

Мне очень хотелось узнать, как изменилось мое человеческое тело. Наверняка я уже не подросток, а девушка, увидев которую, никто не вспомнит о Лине. Рискнуть? Жить в измененной оболочке неприятно, все равно что постоянно носить тяжелую железную маску и доспехи. А я пробыла месс-мышью почти двадцать лет. В случае чего, я смогу изменить свой вид, пока пламя полностью не погасло.

Хочу быть собой!

Решившись, я отдалась на волю пламени и птицы. Моя вторая половина справилась на удивление быстро, и пришлось поспешно менять детали, потому что мой нынешний облик просто кричал о том, кем я являюсь. Немного золота в волосы, чуть тепла на кожу, никакого серебра и холодных цветов, губы немного темнее. Удовлетворенно кивнув своим мыслям, я слилась с птицей, которой понравилось, что мы не стали менять человеческий облик радикально. В этом не было смысла — я сильно изменилась, от угловатого подростка не осталось и следа.

Как я это поняла? У подобных мне есть своеобразное шестое чувство, внутреннее

зрение, позволяющее оценить состояние обоих воплощений, увидеть птицу и свой облик после возвращения.

Невысокая, с полной, но аккуратной грудью, узкой талией, стройными длинными ногами, копной слегка вьющихся светлых волос едва заметного золотистого оттенка; с правильными чертами лица, пухлыми губами приятного алого цвета, карими глазами в обрамлении каштановых ресниц и светло-коричневыми росчерками тонких бровей.

Красивая для человека и вполне обычная для своего народа.

Громкое, нарочитое и слегка насмешливое покашливание напомнило, что я не одна. Буря эмоций захлестнула меня. Сейчас я могла свернуть горы! Или наказать одного не в меру нахального палача, разглядывающего меня с явным мужским интересом.

Мой спаситель все-таки снял маску, и сейчас на меня смотрел привлекательный мужчина лет тридцати с породистым лицом. Одет он был в расшитый золотом камзол благородного кофейного цвета и белоснежную рубашку. На одну бриллиантовую запонку при желании можно было купить дом на окраине столицы. Волосы в этот раз палач не стал стягивать лентой или шнурком, и они темными волнами лежали на широких плечах.

Признав, что мужчина действительно хорош и прекрасно об этом знает, я бегло осмотрела комнату.

Спальня, где я возродилась, была незнакомой и слишком богато обставленной для домика в маленьком городе на окраине империи — шелк, бархат, позолота, инкрустация перламутром, изысканная вышивка. Одно зеркало в золоченой раме над туалетным столиком стоило целое состояние.

Я угадала — палач был дворянином либо очень состоятельным человеком, купившим себе титул.

Спальня была явно женской, и, несмотря на некоторую помпезность, она мне понравилась — настоящий уголок женского счастья. Поражало обилие свечей в витых канделябрах. Я любила живой огонь, а не магические шарики, было в этом что-то домашнее, уютное. На кровати небрежно раскинуто множество подушек с растительной вышивкой. Туалетный столик с изогнутыми ножками и затейливыми ручками заставлен разными женскими мелочами в прозрачной упаковке. Похоже, их купили недавно, очевидно, для меня. Забота была приятной, но и настораживала. Я ведь секретарем к нему нанялась, а не содержанкой.

— Вы, безусловно, очаровательны. — Палач громко кашлянул в кулак, отвлекая меня от многочисленных пузырьков, к которым так и тянулась рука. Все же я слишком долго была месс-мышью, сдерживалась, стараясь соответствовать образу. Честно говоря, такие косметические средства были мне не по карману. — Возможно, вам стоит что-нибудь накинуть, чтобы не смущаться во время нашего разговора?

Я насмешливо посмотрела на мужчину. Своего тела я не стеснялась — это было бы странно. А если вспомнить, в каком виде мой народ возрождается — попросту глупо. Смерть, знаете ли, редко предупреждает заранее. А вот палачу приходилось тяжело. Обнаженная девушка, разгуливающая по комнате, вызывала желание, и, судя по лицу Идена, это ему не слишком нравилось. Видимо, он рассчитывал на сугубо деловые отношения. Меня это вполне устраивало. Виновато улыбнувшись, я нырнула в гардеробную.

Здесь тоже все было новое, на чехлах платьев даже бирки висели с адресами портных и датой покупки — через две недели после моей казни.

Видимо, гардеробная когда-то была жилой комнатой, потому как я обнаружила два

арочных окна, занавешенных плотной бархатной портьерой. Выглянув в одно из них, я села на широкий подоконник и обреченно стиснула пальцами светло-зеленое атласное платье, украшенное белыми нежными кружевами, которое как раз разглядывала... Я снова в столице! Ее озаренные магической иллюминацией улицы я ни с чем не перепутаю. Сверкающая огнями башня Розы на горизонте, далекие шпили императорского дворца и замысловатые силуэты особняков самых влиятельных и богатых аристократов империи возвышались над старой частью города, где и находился дом, куда меня привезли. Там, среди остальных особняков, стоит тот самый, с охраняющими вход мраморными волками.

...Шум на лестнице, приближающиеся шаги, мой крик...

Первым моим желанием было сбежать, наплевать на договор с палачом и немедленно исчезнуть. Потом я вспомнила, что в ближайшие дни не смогу быстро возродиться, чтобы сменить внешность, а без этого палач найдет меня очень скоро. От мысли, что снова придется умереть, меня передернуло. А затем пришла мысль, что я изменилась, выросла, от маленькой Лины почти ничего не осталось. Мне нечего бояться! Даже если нос к носу столкнусь со своим личным кошмаром, *Он* меня не узнает!

Довольно усмехнувшись, я приложила к себе платье и подмигнула своему отражению. Да здравствует новая жизнь!

Но стоило представить, как Иден везет мой пепел в блокирующей магию коробке через всю страну, мешая возродиться, и желание проучить палача стало непреодолимым. Скоро кое-кто пожалеет, что решил за меня!

Платье идеально подходило для моей маленькой, но весьма болезненной для его самолюбия мести. Атласное, светло-зеленого цвета, подбитое с внутренней стороны белым шелком, оно безупречно село по фигуре. Длинные рукава с кружевными манжетами не смотрелись чопорно, потому что плечи оставались открытыми. Плотный лиф подчеркивал талию и поддерживал грудь, по низу юбки шла кокетливая светлая оторочка. Застегивалось платье на спине, без помощи горничной длинный ряд крючков не одолеть. Этого палач не мог не знать.

Придерживая лиф платья у груди, я вышла из гардеробной.

— Помогите, пожалуйста! — встала вполоборота, показывая свою спину. Белья на мне не было, а застежка заканчивалась ну очень низко.

Палач потянулся к звонку, и я поспешно добавила:

— Прошу вас! — В моем голосе появились чарующие нотки. Я знала, теперь он звучит для сидящего на обитом зеленым бархатом стуле мужчины патокой, манящей и повелевающей. — Вам же не составит труда справиться со всеми этими крючками?

Я не позволяла очарованию затмить Идену разум, балансировала на тонкой грани, когда мужчина не может сопротивляться, но прекрасно понимает, что это наваждение. Быть марионеткой для властного вельможи — настоящая мука и чувствительный удар по его самолюбию. Жаль, что мои чары действуют недолго.

— Иден, ну что же вы медлите? — слегка усилила обаяние.

Желание в карих глазах сменила злость, на выступающих скулах появился лихорадочный румянец, и палач послушно подошел ко мне и сноровисто застегнул многочисленные крючки.

— Благодарю вас, теперь можете сесть! — благосклонно разрешила я, мысленно прикидывая, куда бежать, когда силы иссякнут и разозленный мужчина обретет способность контролировать свои поступки. На размышления у меня оставалось всего несколько секунд.

Прикосновение горячих губ к моей шее стало сюрпризом, как и крепко сжавшие талию сильные руки. Вздвогнув от неожиданности, я ждала его реакции — после того как рассеиваются чары, мужчины обычно растеряны, иногда агрессивны. Палач же относительно спокоен, а то, что я только что наблюдала, было последствием моей обнаженной прогулки, отчего я сделала неутешительный вывод: мне подыграли! А значит, маг намного сильнее, чем мне показали в тюрьме. Либо перстень на его указательном пальце создан архимагом.

— Не стоит пытаться меня очаровать, месс, иначе я решу, что вы хотите внести изменения в наш договор.

Мужчина провел носом от основания шеи до уха, обжигая дыханием нежную кожу и уводя от мыслей, что архимаги не станут абы кому делать артефакты такой силы.

— А у нас есть договор? — насмешливо спросила я, наслаждаясь волнующей близостью. Хотелось откинуться назад, поднять руки, зарыться пальцами в волосы Идена.

— Да, осталось оформить ваши документы и внести имя, но я могу отложить это на завтра, если у вас, месс, свои планы на эту ночь.

Меня неохотно отпустили. Обернувшись, я обнаружила, что палач ехидно улыбается, только глаза по-прежнему черные от затопившего радужку зрачка.

Пришлось сесть на бархатный пуф и отвернуться к зеркалу. Иден язвил, но его тело до сих пор было возбуждено нашей близостью, и плотная ткань брюк не скрывала этого, отчего мне становилось жарко и душно даже в достаточно открытом платье. Я всегда была темпераментной, а сейчас, когда эйфория от возвращения моему телу истинного облика еще не улеглась, меня тянуло на подвиги. Хотелось доказать самой себе, что я красива, желанна. В последнем сомнений не было, это и вернуло способность мыслить здраво — вспомнила, с каким недовольством возбужденный палач взирал на мое тело. Мужчина будто презирал самого себя и меня заодно. Ему нужен секретарь, а не любовница! Судя по всему, очень нужен. Надо бы выяснить — почему? И куда делся мой предшественник?

— Не скажете, чем я заслужил столь изысканное удовольствие? — насмешливо полюбопытствовал палач, а я поймала в отражении его изучающий взгляд, полный нескрываемой иронии.

Он еще и спрашивает!

— Вы меня убили.

— Вы — феникс.

— Это не дает вам права меня убивать!

Я вскочила с пуфа, сжала кулаки и сердито уставилась на Идена, усевшегося на стул. Очевидно, ему все же удалось успокоить свое тело. Чего нельзя было сказать обо мне. Чувство эйфории нарастало — мне хотелось наказать несносного палача. Я ему не нужна? Вот и пусть сидит тут один!

— Месс, сколько лет вы были в измененной форме? — Вопрос настиг меня у резной двери, заставив остановиться, но желание сделать хоть какую-то пакость победило остатки здравого смысла.

— Какая разница? — Дверь не поддавалась, казалось, прилипла к косяку. Присмотревшись, заметила заклинание, не дающее мне уйти.

Ах, так?!

Только собралась разнести мешающее плетение, как меня перехватили рукой поперек живота, и в следующую секунду я оказалась на кровати, обездвиженная.

— Итак, месс, сколько лет? — Палач быстро прикручивал магическими путами мое

запастье к резному столбику, удерживая вторую руку.

Я ненавидела быть беспомощной, потому что боялась, что снова не смогу ничего сделать, если кто-то решит причинить мне вред. Внутри испуганно забились птица, мы обе вспомнили то, что считали забытым.

Не позволю!

Ярость застала глаза алой пеленой, птица и я слились, вспыхнули алые искры, в которых проскальзывало серебро. По привычке замаскировала его.

Удар вышел настолько сильным, что невидимый кулак отбросил Идена к двери. Накатила слабость, последней каплей магии я уничтожила путы и, обессиленная, села. Кружилась голова, в ушах шумело, от эйфории не осталось и следа. Я была слаба, как котенок. И столь же незащищена. Но палач, который, морщась, поднимался с пола, не спешил нападать. Он выглядел удивленным и заинтересованным. Я его заинтриговала, обычно после возрождения фениксы берегут себя, не пользуются магией несколько недель, потому что это чревато потерей силы.

Меня же приучили не думать об этом, а действовать. Чистой магии во мне было немного, обычно ее хватало на пару ударов или на один, но мощный. Его я и использовала и явно погорячилась, потому что вычерпала себя досуха.

— Никогда не пытайтесь меня связывать! — вытирая наружной стороной кисти бегущую из носа кровь, пробормотала я.

— Посмотрим. — В сужившихся карих глазах был вызов.

Я усмехнулась.

Извиняться этот мужчина не собирался. Хотя он не мог не заметить моего состояния. Решил поиграть со мной и получил по заслугам.

— Так сколько лет вы были *не-собой*? — Протягивая мне батистовый платок с монограммой в уголке «И. Р.», палач не забывал лечить свое пострадавшее при падении ухо. А я неожиданно поняла, что мой спаситель так и не представился.

Глупость, невероятная глупость!

Обрадовалась, что мне помогут, и доверилась неизвестно кому. Где гарантия, что он тот, за кого себя выдает? Успокоив себя тем, что пока мужчина держится вполне достойно, невзирая на мои попытки его совратить, я мысленно прикидывала, что сказать Идену, если он решит выяснить, от кого прятался юный феникс.

— Я жду, — с нескрываемым раздражением напомнил о себе палач.

— Пятнадцать лет. — Соврала, отлично помня, что первые пять лет меня усердно искали под различными благовидными предлогами. Потом объявления о моем поиске появлялись в среднем раз в полгода, и только последние несколько лет ничего не было. Надеюсь, обо мне наконец-то забыли! Но в первое время я была крайне «популярна», а значит, Идену не составит труда сопоставить факты и вычислить, кем я являюсь. Возвращаться в особняк с волками я не собиралась.

— Вас что, мало в детстве пороли?

Я удивленно подняла на мужчину взгляд и почти не вздрогнула, когда заметила, как его глаза стали чернильно-черными. И страсть в этот раз была совершенно ни при чем. Иден был крайне зол и, похоже, серьезно сомневался в моих умственных способностях. Не понимая, о чем вообще идет речь, я пожала плечами и слегка надавила на переносицу, чтобы остановить кровь. То, что лечение потенциальных сотрудников не входит в обязанности мужчины, как и вызов лекаря, я уже поняла.

— Не понимаю, о чем вы?

Глаза Идена превратились в щелочки, меня недоверчиво оглядели, тихо фыркнули, а потом ехидно спросили:

— То есть вы не знали, что от длительного нахождения в таком состоянии фениксы умирают? Что уже через десять — пятнадцать лет возвращение в истинный облик вызывает вот такую эйфорию, из-за которой можно случайно погибнуть по собственной глупости?

— Что? — Платок выпал из моих ослабевших пальцев. Это не могло быть правдой, иначе отец не настоял бы на таком способе маскировки!

— Не знали? Ну надо же! — Палач громко хмыкнул.

Я едва сдержалась от язвительного замечания — воспитанные лэры так не делают.

— Фениксы не могут находиться в полностью измененном состоянии больше двадцати лет, это их убивает.

То есть еще несколько дней в виде месс-мышы, и я труп?

— Месс, давайте пугаться вы будете потом, — раздражающе спокойно предложил Иден. — Сейчас меня интересуют три вещи: первая — ваше настоящее полное имя, второе — почему вы скрывались и третье — как скоро вы придете в себя и приступите к выполнению обязанностей секретаря?

Я решила последовать его совету, мне нужно было многое обдумать и переосмыслить, а делать это лучше всего в одиночестве. Судя по нетерпению, явственно написанному на лице мужчины, он торопился. Наверняка мое возвращение заняло много больше времени, чем он планировал. Отвечала я односложно и по сути. Чем меньше скажу, тем меньше вероятность, что потом запутаюсь.

— Арлина Этни.

Имя настоящее — не такое оно редкое, чтобы придумывать себе прозвище. Имя рода — липовое.

Последний представитель этого рода был убит пять лет назад на дуэли, у огненного феникса был буйный нрав, вспыльчивый характер и просто ненормальная, даже для нашего народа, тяга к противоположному полу. На его небольшой дом на окраине столицы претендовали то ли тринадцать, то ли пятнадцать детей. Погибший ловелас охотно давал всем отпрыскам имя своего рода, так что у его поверенного теперь было предостаточно проблем, так как завещание он не написал. Зато оставил весьма своеобразное напутствие: обязал отпрысков носить амулеты, маскирующие ауры, и запретил кому бы то ни было делать исследование на отцовство, в противном случае наследник сразу лишался его имени. Газетчики все пять лет гадали, с чем это связано. Но никому и в голову не пришло, что феникс хотел таким необычным способом увековечить свое имя, став самым плодовитым представителем нашей расы.

Дети у фениксов — величайшая редкость. Наверное, это главная причина того, что мы так малочисленны. Вторая причина — полукровки, они никогда не бывают фениксами, всегда наследуют признаки второго родителя.

Мой ответ Идена вполне удовлетворил. Согласно кивнув, напомнил:

— Почему сбежали и когда приступите к работе?

— Сбежала от жениха.

Судя по объявлениям в газетах, которые для библиотеки исправно выписывали из столицы, каждая вторая невеста только этим и занимается. Будет одной больше!

Обычно фениксы своих детей не принуждают к браку. Но в жизни всякое случается.

Заметив скепсис на лице палача, сразу ответила на последний вопрос, тем самым дав понять, что расспросы о женихе мне неприятны:

— Могу приступить к работе хоть завтра.

— Превосходно! — Иден вытащил из кармана золотые часы, открыл крышку и, глядя на циферблат, распорядился: — Сегодня приводите себя в порядок, отдыхайте. Горничную пришлют. В девять утра жду вас в моем кабинете. Вас зовут Арлина. Никаких фамилий. До завтра.

Спрятал часы, развернулся на каблуках, собираясь уйти.

— Вы бы представились, лэр, а то я даже не знаю, в чьем доме нахожусь! — бросила я вслед.

— Лэр Иден Реган, — донеслось из-за закрывающейся двери.

Прекрасно. Теперь точно есть о чем подумать. Иден Реган был занимательной и таинственной личностью. Полгода назад газеты буквально пестрили статьями с его именем. Скандал тогда случился знатный...

Вспомнив о горничной, которую мне обещали прислать, я решила отложить размышления и немного послушать спальню, куда меня определили. Не давал покоя скандал Идена с любовницей. Он выгнал трисс из своего кабинета, приказав собирать вещи. Из этого я сделала вывод, что жила она либо в особняке мужчины, либо на квартире, им оплаченной. Судя по наглости — первое. Не хотелось бы оказаться в спальне бывшей фаворитки палача. Понятно, что здесь все поменяли, даже купили косметику и одежду, но мне не светило, случайно заглянув в прошлое, услышать стоны своего работодателя и этой хамоватой особы. Если я угадала, то Идену придется меня переселить, потому что работать в таких условиях я отказываюсь!

Прикрыв глаза, я сосредоточилась. Эхо заставило меня улыбнуться и всерьез задуматься.

Комната до недавнего времени была заперта — отголоски прошлого были едва слышны, а те, что двухнедельной давности и позже, не имели никакого отношения к личной жизни палача. Так что я могла спокойно тут жить, не боясь подвоха.

Однако слуги, приводившие спальню в порядок, были недовольны, что лэр собрался привести в дом новую любовницу, к тому же такую легкомысленную и неразумную. Почему они сделали такие выводы, я не знала — эхо исказило и проглотило часть слов. Возможно, это всего лишь домыслы прислуги... или нет.

Конечно же Идена влечет ко мне, а меня — к нему. Глупо спорить и строить оскорбленную невинность. Но чтобы стать любовниками, нужно согласие двоих, а не решение одного. Иначе это уже принуждение. Последнее вызывало во мне стойкое отвращение и протест, в какую привлекательную упаковку его ни поместили бы.

Правда, стоит заметить, поведение палача в спальне говорило в пользу досужих сплетен и желания слуг влезть, куда не просят. Почему Идену так нужен секретарь? Некому кофе сварить? Или документы не может сам разобрать? Не думаю, что у палача, пусть и не рядового, много корреспонденции.

И вообще, почему феникс? Чтобы украсить интерьер приемной? Ну, так оборотницы и вампиры тоже очень хороши, их народы достаточно многочисленны, не нужно ехать на край империи. Правда, не уверена, что Идена интересовала именно наша раса, скорее уж *нелюди* в целом, а я вовремя попала под руку в таком положении, что отказаться не могла.

Интересно, куда делся предыдущий секретарь?

Надо бы послушать другие комнаты, но я сейчас и с кровати слезть не могу, не то что

совершить экскурсию по особняку!

Источник информации пришел ко мне сам. Постучал в дверь и, затопив спальню умопомрачительным запахом свежей сдобы, улыбнулся искренней располагающей улыбкой. А затем водрузил на прикроватный столик поднос, заставленный разными вкусностями, от одного вида которых у меня сразу проснулся зверский аппетит. Звали моего информатора Мелани. Полная румяная женщина лет сорока пяти в аккуратном строгом коричневом платье меньше всего походила на горничную. Ее выдала привычка командовать и совершенное отсутствие страха перед хозяевами, которое, однако, не превращалось в фамильярность или неуважение. Даже эхо слушать не пришлось. Поняв, что я ее раскусила, Мелани призналась: она экономка и извинилась, что не прислала горничную, потому что та неожиданно заболела.

Если бы у меня остались силы, с удовольствием бы послушала эхо — кем все-таки меня считают? Любопытство экономки очевидно, даже горничную ко мне не пустила. Но пока не узнаю подробностей нашего с Иденом договора, ей придется жить в неведении. А вот мне не помешает прояснить пару моментов. Специально спрашивать не буду, но, как мне кажется, экономка сама расскажет много занимательных вещей, касающихся моего пребывания в особняке лэра Регана.

Повздыхав над испорченным кровью платьем (я и не заметила, что испачкалась), Мелани помогла дойти до уборной, дверь в которую была за фальшпанелью, рядом находилась такая же, ведущая в ванную. Потом предложила на выбор: принять ванну и переодеться или перекусить. Внешний вид меня сейчас мало заботил, а вот есть хотелось сильно. Но у меня тряслись руки, и грибной суп-пюре, который женщина принесла в качестве первого блюда, окончательно прикончил зеленый атлас платья.

Чувствуя себя маленьким ребенком, я ела с ложечки, щурилась от удовольствия и, слушая экономку, мотала на ус. Пока Мелани старалась выпытать у меня подробности нашего знакомства с лэром, я, в свою очередь, пыталась понять, как сложить вместе кусочки, которые удалось выудить из ее жизнерадостного щебета.

Картинка получалась занятная.

Я больше двух недель работаю на лэра, но мое личико до сегодняшнего дня никто не видел, потому что я решила поэкспериментировать с косметической магией. Неудачно. Следы процедуры я скрывала за закрытыми платьями, перчатками, густыми вуалями и шляпками необычного фасона, закрывающими волосы полностью.

Поэтому слуги посчитали меня легкомысленной и неразумной. В любовницы меня определили после сообщения Регана, что в его особняке некоторое время проживет молодая гостья. А так как рядом с лэром других юных дев, кроме нового секретаря, не водилось, все сделали соответствующие выводы. И даже заподозрили, что никакой неудачной косметической магии я не использовала, а меня пыталась обезобразить любовница Идена, на данный момент бывшая, и я попросту залечивала следы покушения.

Узнала я и свою новую фамилию и откровенно озадачилась. Трисс Онтане — дворянка из бедного и многочисленного рода. Лэров и трисс Онтане было больше, чем муравьев в муравейнике. В одной столице штук сорок точно. Естественно, глава рода не знал всех своих родственников в лицо и давно запутался в хитросплетениях веток родового дерева. Отличная маскировка — никто не подумает, что секретарь, больше двух недель пугающий нарядами окружающих, и месс-мышь из крохотного городка на окраине империи — одно и то же лицо. Но! Онтане были людьми!

Мне откровенно повезло, что Мелани — человек, лишенный дара. Не верилось, что палач прокололся, поэтому я, между прочим, уточнила у экономки, кем являются слуги в особняке. Получила вполне закономерный ответ — людьми без магии, это одно из условий приема на работу. Мелани очень сожалела, что лэр его выдвинул, когда купил особняк у алхимика вместе с наемной прислугой. А сделал он это как раз перед памятным скандалом, после которого имперцы узнали, что есть такой дворянин и палач Иден Реган.

Отсутствие магов и нелюдей в окружении Идена радовало, но и настораживало — что он скрывает? И вообще, фальшивая секретарша появилась до того, как я прибыла в столицу, когда палач еще не знал, что есть такая библиотекаря.

Чем трисс Онтане его не устроила? Не думаю, что экстравагантный наряд и густая вуаль способны отпугнуть визитеров палача. И куда делась предыдущая помощница? Мелани не сказала или не была в курсе, а спрашивать я не стала — завтра узнаю у Идена.

Голова пухла от вопросов, которые путались и противоречили друг другу. Одна версия была нелепее другой. Дойдя до того, что, возможно, трисс Онтане не была подставной, а вполне настоящей и тоже куда-то исчезла, я решила обдумать все завтра утром, на свежую голову.

Допив чай, попросила Мелани помочь добраться до ванной. От предложения вымыть голову и потереть спинку отказалась. За двадцать лет я привыкла все делать сама и чувствовала себя намного спокойней, нежась в ванне без неусыпного надзора горничной. Испробовав часть купленных для меня пузырьков, я кое-как подсушила волосы полотенцем и, накинув приготовленную экономкой шелковую сорочку приятного жемчужного цвета, выползла из ванной. Отмахнувшись от Мелани, решившей, что я соизволю опробовать на себе чудодейственные кремы для тела и кожи лица и возжелаю придать волосам продуманную небрежность на случай неожиданного визита в мою спальню лэра, я упала на кровать и закрыла глаза. Безусловно, с удовольствием бы и опробовала, и придала, и даже сама сходила бы к Идену, чтобы немедля узнать, во что он меня втянул. Но я очень устала и безумно хотела спать. Обняв подушку руками, я провалилась в беспокойный сон, где впервые за последние годы раздавались голоса из моих кошмаров.

Проснулась с испуганно колотящимся сердцем, вспотевшая, как храмовая мышь, и с мокрыми от слез щеками. Какое-то время лежала в темноте, повторяя, что все это сон — страшный, жуткий сон, где я снова беспомощный подросток, мир которого разрушили в угоду своим интересам. Постепенно я успокоилась, голоса воспоминаний отступили. На смену им пришла злость на Идена — почему он не сказал, что работать придется в столице?

Можно подумать, я бы отказалась!

Он мог предупредить, но не стал. Зачем? Я ведь и так от него в полной зависимости. Это раздражало больше, чем привычка палача командовать, не спрашивая мнения окружающих.

Занятно, в тюрьме я не подумала, что меняю одно заключение на другое. Не держат в камере, не собираются казнить. Клетка красива, и в ней удобно. Но не дали возродиться в Ритиле, провезли через всю страну в ящике, словно удобрение для клумбы. Хотя, вполне возможно, я ошибаюсь, и с палачом у нас будет взаимовыгодное сотрудничество. В конце концов, удалось же скрыть свой истинный облик. Иден не в курсе моего отношения к зависимости от кого бы то ни было. Есть шанс намекнуть, что для наилучшего исполнения обязанностей нужна свобода действий и четкий список этих самых обязанностей.

Часов в спальне не имелось, за окном в свете фонаря кружился снег, и, на первый взгляд, была глубокая ночь, но это не помешало привычно определить время: шесть утра.

Работа в городской библиотеке была не самой интересной, однако спонсировавший ее лэр настаивал на том, чтобы сие заведение открывалось ровно в шесть тридцать утра и работало до семи вечера. За двадцать лет, что я провела за стойкой библиотеки, в такую рань в наш оплот знаний зашло от силы пять человек, да и то случайно — приезжие, прибывшие с первым дилижансом, искали гостиницу, находившуюся через два здания от библиотеки. Естественно, вставать в пять утра, чтобы к назначенному времени добраться до работы, я не собиралась. Поднималась в шесть утра или чуть раньше, быстро надевала на себя приготовленную с вечера одежду и пулей неслась через весь город. Благо внешность месс-мышы не требовала долгих приготовлений. Зато можно было подремать пару минут, если вдруг проснешься раньше шести. Конечно же, не выбираясь из теплой кровати, не зажигая свечей и не проверяя время.

Итак, у меня есть час или полтора до того, как проснется прислуга, и почти три часа до визита в кабинет палача. Первые полчаса я собиралась потратить на обход дома и изучение эха. Понятно, что Иден переехал сюда всего полгода назад, да и вряд ли он говорил здесь о чем-то важном, а если и говорил, то была магическая защита, которая значительно искажает прошлое. Ее следы я обнаружила на Идене.

Любопытно, обычно маги не считают эхо опасным.

Во-первых, искажается все и всегда — порою смысл меняется до неузнаваемости. Во-вторых, действительно умелых магов эха не так много, для большинства это хобби, забава. И, в-третьих, даже мастеров своего дела никогда не берут в расчет, смотри пункт первый. Иначе маги эха давно бы работали на императора и сильных мира сего. А так кому оно надо — разгадывать ребусы из прошлого? Гораздо проще пригласить провидца, пусть предупреждает об опасности в будущем.

Но были и те, кто пытался нас использовать. Правда, к моему счастью, если мага

прошлого принудить, эхо тут же отреагирует и начнет путать уже преднамеренно. Забавно, иногда оно вело себя вполне здраво, будто эмоции, которые впитывало, давали ему толику разума. Жаль, что со мной все это выясняли опытным путем. Окажись я особенной, меня мучила бы только половина кошмаров, не самая страшная половина, надо заметить. Время вспять не повернуть, остается надеяться на будущее.

Посетив уборную и быстро ополоснувшись под душем, я отыскала в гардеробной костюм для верховой езды, в котором удобно бегать по коридорам особняка. Вряд ли меня кто-то увидит ранним утром. Юбка от костюма пристегивалась поверх лосин, скрывая непристойный вид, я решила ее оставить в спальне. Расправив кружевное жабо на нежно-розовой блузе, накинула сверху длинный жакет темно-бордового цвета с изящной вышивкой по краю полочек. В комплекте с коричневыми замшевыми лосинами и мягкими сапожками на невысоком каблучке костюм смотрелся прелестно. Кто поверит, если скажу, что решила проехаться в столь легком для зимы наряде верхом, — и кокетливая шляпка отправилась к юбке.

Пройдясь по волосам расческой, решила, что не желаю их укладывать в прическу. Пусть мою внешность оценят и позавидуют. После месс-мышы у меня наблюдалась явная нехватка мужского восхищения и внимания. Милые, но заурядные кавалеры из городка на окраине империи не в счет — почти все они хотели видеть меня серой и унылой, желательно на кухне с половником. Никто не пытался поднять мою самооценку. Чувств не было, с моей стороны точно. С их стороны — неизвестно. Не назовешь же любовью попытку скрасить вечерок, заполучить безропотную любовницу или жену, которая будет до конца дней лобзать землю под стопами мужа.

Прически женщин были регламентированы только для похорон императора, для каждого сословия и расы своя. В остальные дни воображение красивой половины империи ограничивалось лишь умениями парикмахера и глубиной кошелька мужчины, который все это оплачивал.

Готово! Мои распущенные волосы великолепны без лишних затрат и усилий!

Я зажгла свечи и, сжимая пальцами изящную витую ножку небольшого канделябра, отправилась на разведку. Длинный коридор, богато обставленный в лучших традициях состоятельных лэров, ничем не отличался от коридоров других особняков. Толстые, гасящие шаги ковры на полу, портреты предков на стенах, два ряда резных дверей справа и слева, ведущих в комнаты. Лестница с одной стороны коридора и арочное окно с тяжелой бархатной портьерой — с другой.

К слову, предков палача на стенах я так и не нашла. Там висели пасторальные пейзажи, пара акварелей, портреты нашего императора и правителей государств, вошедших в империю много столетий назад, но сохранивших суверенитет. Я узнала князя вампиров и князя оборотней. Эти двое были постоянно на виду, все-таки Элерт и Хемминг — самые большие государства в составе Аркелла. О должностях остальных узнала из надписей.

Эхо меня тоже не порадовало: обрывки разговоров слуг, шум перетаскивания мебели, тихие песни горничной, занимающейся уборкой. В доме служила всего одна девушка, более не требовалось. Установленные по всему особняку бытовые заклинания превосходно справлялись и с пылью, и с грязью, и с непредвиденными сюрпризами вроде разлитого вина или кофейного пятна на ковре. Обязанности горничной сводились к замене белья в комнатах и надзору за одеждой лэра, но забирать и осматривать ее месс могла только по его просьбе. В основном поющая девушка следила за тем, чтобы всякие мелочи, наподобие статуэток или

ваз, оставались на своих местах. Неудивительно, что экономке было скучно — подчиненных минимум, хлопот никаких.

Что находится за каждой из многочисленных дверей, проверять не стала. Эхо подсказало, куда идти, чтобы узнать как можно больше об Идене Регане.

В особняке было три этажа. Наверху находились хозяйские спальни и гостевые покои. Второй этаж отдан под библиотеку, кабинет лэра, музыкальный салон, несколько гостиных и пару бальных залов. На первом находились кухня, комнаты слуг и столовая. Ну, и подвал имелся — царство сырости, паутины и мышей при прежнем хозяине теперь, после установки магической защиты против всякой пакости, включало винный погреб и несколько кладовых.

Было два пути: в спальню палача или в его кабинет. Первое отбросила сразу — сомневаюсь, что случайно разбуженный лэр будет в восторге от раннего визита. А вот кабинет просто манил, рисовал радужные перспективы.

Остановилась я на широкой лестнице с перилами в форме дракона — первой безвкусной вещью, увиденной мной в этом доме. Растянули зверюгу в змейку и приплюснули сверху, чтобы не сбежала. Жуткий дракон покоился на изящных резных балясинах.

Но не все так просто с этим зверем. Магия почти не чувствовалась, однако готова поспорить на перо из хвоста, это страж особняка. В случае угрозы жизни домочадцев он превратится во вполне живую зубастую ящерицу. Не в том ли причина, что палач нанимал исключительно людей без дара? От гостей страж скрывается, а слуги вполне могут понять, почему лэр не убрал деревянное чудовище длиной от верхнего до нижнего этажа.

Спустившись на несколько ступенек, я заметила, что одна из дверей внизу приоткрыта и внутри горит свет. Это был кабинет Идена, и у палача находился визитер. Юная месс в шляпке, меховом мантии и вуали, заложив руки за спину и меряя широкими шагами кабинет, что-то недовольно бормотала. Палач, которого я не видела, тихо отвечал ей язвительным тоном.

Пристроившись на ступеньке, спряталась за балясинами и, прикрыв глаза, прислушалась к эху. Так как меня не было непосредственно на месте, где происходил разговор, искажение вышло знатное. Смысл беседы получился откровенно бредовый.

Девушка не хотела работать на палача, он не настаивал... и настаивал поочередно. Месс грозила оставить ему одежду и уйти.

Я сделала вывод, что пора мне отправляться на первый этаж, знакомиться с другими комнатами или возвращаться к себе — досыпать, раз такой бред мерещится.

Может, гостя палача и собиралась оставить одежду, но точно не для того, чтобы уйти! Обнаженной далеко не уйдешь — патруль заберет. Ну, и холодно на морозе в одних панталонах и лифе. Впрочем, про лиф или корсет я ничего не слышала. То ли эхо съело, то ли мой сонный дар пропустил этот момент.

Первый этаж встретил меня сонной тишиной. Пробежав по всем комнатам и выяснив, что ничего интересного не найду, попыталась заглянуть в подвал, но наткнулась на большой амбарный замок. Эхо недовольным голосом Мелани утверждало, что его водрузила сюда экономка, чтобы слуги не таскали продукты.

Больше всего отголосков прошлого оказалось в большом холле. Но опять ничего любопытного. Кого-то встречали, кого-то провожали, кому-то отказывали во встрече с лэром Реганом. Гостя Идена, кстати, прибыла час назад, ее встретил палач лично. Сонным или рассерженным он не был — или ждал месс, или страдал бессонницей.

Я осветила напольные часы в холле. Шесть тридцать утра. У меня есть еще полтора часа

на сон. Потом мне пришлют горничную. Но, скорее всего, меня снова навестит экономка.

На втором этаже дверь в кабинет Идена была закрыта. Присмотревшись, я увидела защищающее от прослушивания заклинание, его раньше не было. Любопытство удалось победить, только лишь напомнив себе про артефакт палача, с помощью которого он в прошлый раз вполне успешно засек мою попытку прочесть эхо.

Уже в спальне, сложив костюм для верховой езды в гардеробную, я подумала, что повела себя глупо и недальновидно, слушая на лестнице эхо разговора месс и палача. Артефакт-то никуда не исчезал! Мне позволили подслушать, прекрасно зная, что на таком расстоянии ничего точно понять нельзя. Странно, что в его перстне есть защита от магов эха — мы же, в принципе, безобидны. Попробуй расшифруй, что прошлое рассказало, проглотив и исказив часть слов.

Уснуть так и не вышло.

Проворочавшись в кровати, я села и решила разложить все по полочкам. Итак, моим спасителем оказался лэр Иден Реган — личность неоднозначная и загадочная, дворянин и палач. О случившемся на приеме известно немного, но на следующее утро газеты пестрили заголовками, гласившими, будто некий лэр Реган был выдворен по приказу императора, так как «нарушил этикет». Что же нужно сделать, чтобы тебя выставили из дворца под столь надуманным предлогом, гадала вся империя?

Имя Идена не сходило со страниц газет несколько месяцев. Говорили, что титул он унаследовал от матери. Вдова некогда жила у вампиров и вполне благополучно умерла от старости. Приличное состояние досталось Регану. Поэтому вдвойне непонятно, почему он, переехав в столицу, стал одним из пяти королевских палачей, отвечающих за исполнение приговоров в нашем стольном граде. Скрытный образ жизни Идена только подстегивал интерес газетчиков. Пойманных бедолаг Реган сдавал законникам. Так за ним закрепилась слава жестокого палача, любящего свою работу.

Будучи магом эха, я знала, что газеты тоже чем-то похожи на отголоски прошлого, только в них больше искажения, а новые слова добавляются по желанию писак. Безусловно, Иден не был слабохарактерным, мягким тюфяком. Его сила и уверенность вызывали у меня симпатию, раздражала властность, но без нее он не был бы собой. Скрытность палача обусловлена профессией, выбор которой для меня загадка. Может, не было другого выхода? Или есть и другие палачи-дворяне, скрывающие этот факт?

А еще меня жутко настораживало, что магу понадобился *нелюдь*. Почему он решил изменить своей привычке нанимать людей без способностей?

Поняв, что за размышлениями провела почти час и скоро придет горничная, я притворилась спящей, в надежде послушать эхо и узнать что-нибудь интересное.

Спустя пару минут в дверь вежливо постучали. Дождавшись моего сонного разрешения, экономка засуетилась вокруг кровати. Я просыпаться не спешила, вполслуха внимая болтовне женщины и разбираясь в обрывках эха.

Мелани уже успела навестить хозяина, точнее, лэр вызвал ее сам, чем очень удивил. Обычно в столь ранний час Идена еще нет дома, он на работе — кажется, догадка с бессонницей подтвердилась. Экономку спросили, почему она выполняет обязанности моей горничной, затем оценили ее рвение помочь мне, как более опытной, и теперь, за небольшую прибавку к жалованью, она эти самые обязанности будет исполнять постоянно. Согласия у женщины и у меня никто, естественно, не спрашивал.

Экономка в роли горничной меня вполне устраивала. Эхо ничего интересного на этот

счет не подсказало, а вот говорливая женщина вполне могла поведать что-нибудь любопытное. От нее я узнала, что помощник Идена, слишком юный для такой должности, отбыл из особняка со страшно недовольным лицом. Без шуток. Она считала, что быть королевским палачом почетно, и занимать место его помощника тоже весьма престижно. В ответ на мое насмешливое фырканье женщина пояснила: лэр Реган не простой палач, он один из пяти палачей Тариса. А в столице кого попало на этот пост не поставят.

За одеванием, причесыванием и завтраком время пролетело незаметно. К назначенному часу я спускалась вниз по лестнице в платье шоколадного цвета, держа в руках норковое манто. Иден предупредил Мелани, что после разговора мы поедем на работу.

Строгое на первый взгляд платье было легким и игривым. Теплая мягкая шерсть приятно льнула к коже, широкая юбка, лишенная поддержки кринолина, обрисовывала при ходьбе ноги. Подол открывал короткие сапожки. Рукава три четверти подчеркивали руки, затянутые в светлую замшу, а воротник-стойка делал узкий вырез декольте еще глубже и загадочней. Волосы я убрала в замысловатую прическу, которую скромно украшали жемчужные головки шпилек.

Мне нравилось быть собой настоящей, находить что-то особенное, отличное от других. Теперь то, что я не похожа на родителей, радовало, иначе первый выход на улицы столицы вполне мог стать последним. А что, если все же похожа на маму, отца или других родственников? Они умерли, но есть летописи родов, где портреты представителей вполне приличные, цветные. Настроение закономерно испортилось, мучили сомнения. Но стоило подумать о цвете, как губы сами растянулись в довольной улыбке. Меня же будут искать среди огненных! Я выбрала такой род, что можно любого записывать в родственники!

Постучав в дверь кабинета, я дождалась короткого разрешения и вошла. Обстановка полностью соответствовала характеру хозяина. Темное дерево, массивная, но удобная мебель.

Мне безумно хотелось послушать кабинет — здесь могло быть столько всего интересного!

Иден пригласил меня сесть в глубокое мягкое кресло, приятно пахнущее новой кожей. Он занял свое место по ту сторону освещенного свечами стола, на котором лежали аккуратные стопки документов, стояла чернильница с пером, малахитовый стакан-подставка с десятком карандашей, массивное пресс-папье и чашка с недопитым кофе. В книге с инкрустированными камнями переплетом, открытой на середине, я увидела раскидистое дерево, портреты на нем принадлежали роду Этни.

Я не зря выбрала этот род, когда назвалась, — настолько внешне разных фениксов нужно еще поискать. Иден, судя по всему, нашел сходство с некоторыми портретами и убедился в том, что я Этни. Он дождался, когда я осмотрюсь, демонстративно закрыл книгу и отложил ее в сторону.

— Как спалось?

В вопросе палача явно прозвучал намек на мои утренние посиделки на лестнице, но я решила этого не замечать.

— Превосходно, благодарю!

Карие глаза напротив насмешливо сузились, в уголках губ поселилась хитрая улыбка. Мне точно припомнят неудачную попытку шпионажа, но не сейчас. В данный момент мужчина был настроен на деловой лад. Одобрительно оглядев мой наряд, он протянул мне стопку бумаг и перо.

Пока внимательно читала типовой договор, особо задерживаясь на мелком шрифте, палач просматривал документы, вскрывал письма, визировал, сортировал, записывал в журнал, всем своим видом давая понять, что секретарь ему жизненно необходим, раз приходится брать работу на дом.

Любопытно, что там за бумаги. Откуда их столько? Неужели работа палача столь сложна? Так и подмывало прочесть оставшиеся страницы по диагонали и подмахнуть подпись — ничего необычного я не находила. Стоически вытерпела приступ любопытства, дочитала до конца и... обнаружила некое *приложение о неразглашении информации*. Иден молча протянул мне еще один лист и углубился в работу. Пробежав глазами текст до конца, я отрицательно покачала головой:

— Нет, я не принесу вам магическую клятву, лэр Реган.

Я ошиблась — никакого сотрудничества не будет! Старалась выглядеть спокойной, сохранять лицо, но внутри все переворачивалось от нахлынувших воспоминаний, птица билась, а на глазах вот-вот были готовы заблестеть злые слезы.

Магическая клятва на крови — мерзость, придуманная и воплощенная магами. Кто первый придумал ее, неизвестно. Но если магическое существо, любое, будь то маг, вампир, феникс или другая раса, принесет ее, то утратит свободу на время выплаты долга. Даже если его жизни будет угрожать опасность, он будет делать то, что обещал. Не сможет отступить.

Обычные люди свято верят: в случае нарушения такого договора магическое существо лишится силы. Но это действительно только для людей и слабых магических созданий, для остальных нарушение клятвы — смерть.

Существовала и обычная клятва, на которую я могла согласиться, она визировалась в мэрии, по ней могли привлечь к ответственности через суд. Но Реган указал именно магическую клятву на крови — самый радикальный вариант. Вытаскивая меня из тюрьмы, палач собирался сделать из меня рабыню. У него не было причин мне доверять, но и подозревать в злонамеренности тоже. Жаль, что мы уже не в Ритиле — в столице у меня нет шансов спастись из тюрьмы и избежать эшафота.

— Возможно, вы не знаете деталей, — издалека начал Иден, недовольный моим категорическим отказом.

— Я отлично знаю детали, лэр Реган, — сухо перебила я, поднимаясь. Было страшно, жутко и обидно, что вот так закончится моя жизнь. Палач, конечно, проследит, чтобы я не сбежала, и сам приведет приговор в исполнение. Единственная радость, что у моей смерти будет красивое лицо.

— Почему я должен вам доверять?

Меня, покорно ждущую у двери своей незавидной участи, окинули сердитым взглядом, досадливо поморщились и язвительно осведомились:

— Назовите хоть одну причину, почему вы не станете доносить на меня? Или не попытаетесь продать информацию обо мне?

Недоверие обидело, больно резануло острыми когтями по сердцу. Ответила быстро, в тон палачу, терять было нечего, он уже все решил, выхода два — рабство или смерть. А я надеялась на сотрудничество, глупая.

— Мне некому на вас доносить.

Он считает, что я двадцать лет сидела в Ритиле, потому что из гордости не хотела обратиться к родне или могущественным покровителям? У меня много недостатков, но откровенной глупости среди них нет. Да, было существо, которое неожиданно и совершенно

бескорыстно помогло мне. Я не знала о нем ровным счетом ничего, не видела лица, только глаза с алым огнем в глубине зрачка, выдающим его расу. Я не пыталась его найти, понимая глупость подобной затеи — он тоже мог скрываться от врагов. Лишь стала относиться к вампирам благожелательно, хоть и не без некоторой настороженности.

Как Идену могло прийти в голову, что я могу предать того, кто мне помог?!

Обида цвела в душе буйным цветом — меня заподозрили в предательстве заранее, даже не разобравшись, что я собой представляю!

— О, какое интересное уточнение — некому доносить, — медленно, будто пробуя каждое слово на вкус, произнес Иден, задумчиво покрутив перстень. Недоверие в карих глазах сменила откровенная издевка.

Я больше не боялась будущего — злилась. Глаза Идена ничуть не изменили цвет, а значит, все это представление с магической клятвой разыграли для меня. Зачем — не понятно. Видимо, чтобы проверить реакцию на предложение стать рабыней.

— А если бы было кому доносить? — Поняв, что спрашивать я ничего не буду, сказал Иден и расслабленно откинулся на высокую спинку кресла. Он источал желчь, насмехался, и это окончательно вывело меня из себя.

Хочет проверить мою реакцию? Превосходно! Сдерживаться мне теперь незачем.

— Я не попала бы в тюрьму! Не жила бы двадцать лет в измененном теле, рискуя однажды не проснуться! — Подбежав к столу, я бросила манто поверх бумаг и, наклонившись вперед, спросила, едва сдерживая рвущийся из горла клекот: — Вы это хотели услышать?

Палач ничего не ответил, его взгляд скользил по моему напряженному лицу, словно сопоставляя мою реакцию с тем, что он ожидал. Ему это нравилось. Он меня проверял, в этом я была уверена.

Руки, о которые я оперлась из всех сил, начали затекать, раздражение медленно сменяло желание сделать что-нибудь не по плану Идена.

Неужели я настолько предсказуема?

Оторвавшись от стола, я потеряла ноющие ладони и уселась в кресло, чинно сложив руки на коленях и стыдливо прикрыв глаза ресницами. Послушать самого палача я не могла, а вот его кабинет — с удовольствием. Конечно, мировой заговор тут никто не готовил и даже, похоже, в этом помещении никто не работал — лишь сегодня здесь звучал шорох бумаг и скрип пера.

Но кое-что интересное я узнала — месс в вуали действительно угрожала оставить Идену одежду и уйти. Потом шли какие-то невнятные звуки, идентифицировать которые я не смогла, но это были явно не любовные утехы, а после к палачу пришел его помощник. Момент ухода месс и прихода помощника эхо совершенно не запомнило — наверное, его исказила магическая защита кабинета, которую активировал Иден, когда заметил меня на лестнице. Занятно, помощник палача искренне радовался тому, что у начальника появился секретарь. Звали парня Рикардом, и он был *нелюдем*!оборотнем, скорее всего, потому что в его речи проскальзывали рычащие нотки, за что Иден сердито шипел на него и одергивал. Помощник извинялся и, забываясь, снова порывивал. Как я заподозрила, — специально, за это и получил какими-то бумагами по лбу.

Озадаченная, я украдкой посмотрела на Идена. Просто то, что нашептало мне эхо, никак не вязалось с обликом властного, самоуверенного Регана. Либо эхо надо мной подшутило, либо с помощником палач вел себя по-дружески, я бы даже сказала, по-братски. Нет, не

может такого быть! Это все искажение, эхо чуть изменило интонацию, съело пару слов, что-то превратило в невнятные шепотки, и вот я уже подозреваю, что Иден совсем не такой, как считают окружающие.

— Послушали? Хорошо! — удовлетворенно кивнул палач, словно предполагал, что, разозлившись, я так и сделаю. Его проницательность и собственная предсказуемость раздражали. — Итак, что выберете в качестве подтверждения своих добрых намерений? Обычную клятву? Кровную связь?

Я отрицательно покачала головой. Любопытство в глазах собеседника зашкаливало. Став кровницей палача, я раскрыла бы себя. А то, что знают двое, уже не тайна. Вряд ли он позволит мне прятаться под маскировкой и дальше, появится соблазн разобраться с моим прошлым. Он всего лишь палач, а я... Впрочем, не важно.

Что касается обычной клятвы, выслушаю все варианты, и если не будет ничего лучше, соглашусь, но не сразу, слишком сильно он меня обидел.

— Не находите, что ваше упрямство неуместно? — насмешливо приподнял бровь Иден, постукивая пальцами по столешнице. — Какой бы клятвой вас ни связывали в прошлом, я не собираюсь пользоваться ситуацией. Мне нужен секретарь, который будет мне верен, а не побежит на поклон к моим врагам.

— Не люблю бегать, дыхание, знаете ли, сбивается, — равнодушно пожала плечами, решив для себя, что раз меня до сих пор не сдали страже, как беглую преступницу, Идену я нужна больше, чем он мне.

Пристально посмотрев на меня, он обреченно вздохнул, вытащил из ящика кристалл связи, торжественно выложил поверх бумаг и активировал.

Со мной снова играли, пытались вынудить согласиться, ведь звонить он мог только в одно место — сыскарям. Когда его пальцы начали набирать на гранях код, я усомнилась в своей правоте: короткий номер был предназначен для экстренного вызова стражи. Я сдержалась, не остановила Идена. Ответила на кристально честный взор палача полным решимости взглядом, в котором сквозило сожаление.

— Когда вам удобен выходной, в субботу или воскресенье? — Вопрос застал меня врасплох, чуть не вырвавшееся восклицание пришлось замаскировать покашливанием в кулак. В него же я незаметно сцедила вздох облегчения — на секунду мне показалось, что меня на самом деле сдадут страже.

— Суббота? Воскресенье? — не дал опомниться Иден. Он небрежно столкнул кристалл связи обратно в ящик, плавно поднялся, подхватил мое манто со стола, бросил его на спинку кресла, развернул договор к себе, быстро написал что-то мелким бисерным почерком напротив слова «Приложение» и вложил перо в мои пальцы: — Подписывайте!

Прочитав приписку, я довольно хмыкнула и подмахнула подпись. Клятва в мэрии мне грозила в случае подозрений лэра Регана в шпионаже, он обязывался сообщить мне об этом и доставить в мэрию для визирования клятвы. Уверена, подозрений у палача не появится.

— Воскресенье! — решил за меня Иден, отбирая документы и складывая их в папку. — Ну, а теперь о вашей работе...

Палач подробно изложил мои обязанности, и я поняла, что работа меня ждет нудная и однообразная. С восьми утра до шести вчера мне предстояло сидеть в приемной, сортировать корреспонденцию по степени важности, заносить документы в журнал, встречать посетителей и записывать их в другой журнал. Утром и вечером мне надлежало заваривать чай или варить кофе, много кофе и много чая, потому что мой начальник предпочитал

работать по ночам, а посетителей принимал два часа в день — с восьми до десяти утра. Потом отбывал почивать, предварительно напившись чаю. Вечером приезжал в пять часов, принимал бумаги и особо назойливых просителей.

Не думаю, что у палача так много дел или желающих с ним пообщаться, так что я настроилась дуреть от скуки на новом рабочем месте. А стопка бумаг, которую при мне разбирали Иден, скорее всего, накопилась за несколько дней или недель.

Приятным исключением было то, что мне разрешили пользоваться эхом, чтобы понять, так ли важно письмо. Предложила я такой способ проверки закрытой корреспонденции сама, но меня преследовало назойливое ощущение, что Иден планировал применить мои способности именно так со дня нашей первой встречи.

Лукавая улыбка, промелькнувшая в уголках губ палача в ответ на мой подозрительный взгляд, окончательно убедила в том, что за двадцать лет я превратилась в существо заурядное и предсказуемое.

Ничего необычного в моих обязанностях не было, так что я осталась в некотором недоумении — зачем Регану нелюдь? Не для сортировки же корреспонденции по степени важности! Напрашивался вывод: мне об этом скажут, но далеко не сразу. Если вообще скажут. И чтобы не умереть от любопытства, выясню все сама. Надо же знать, в какую историю я влипла.

Разложив по полочкам мои обязанности, Иден взялся за восстановление моей маскировки. Я чуть себя не выдала, когда едва не спросила, зачем это делать. Но вовремя прикушенный язык и милая улыбка спасли меня от провала. Все же, по легенде, я скрываюсь от жениха. За двадцать лет моя внешность изменилась, а вот аура фениксов растет медленней.

Хотела сделать маскировку сама, но пришлось уступить. Во-первых, на новую человеческую ауру ушел бы весь день. Во-вторых, я бы осталась практически без сил, которые и без того не полностью восстановились после возрождения и вспышки в спальне. В-третьих, хотелось понять, каковы реальные силы палача. Правда, были и опасения, вдруг Иден поймет, что моя настоящая аура — фальшивка?

Все обошлось.

Меня поставили в центре комнаты и попросили закрыть глаза. Два часа Иден плел новую ауру, а я с подозрением следила за его действиями, завидуя мастерству. До архимага мужчине, конечно, было далеко, но он был очень силен. Даже странно, что пошел в палачи.

Результат впечатлял.

Стопроцентно «живая» аура. Почти как моя вторая маскировка. Но в нее влил магию отец, полностью вычерпав свои немалые силы. А Иден утомленным или уставшим не выглядел.

— И последний штрих! — Палач добавил красные всполохи с примесью желтого и оранжевого.

Я возмущенно подняла на него глаза и попыталась убрать это безобразие из маскировки. Ничего не вышло. Очевидно, палач вплел отражение эмоций в каркас фальшивки, и теперь я могла убрать влюбленность, только разрушив его или сильно искривив, это выдаст подделку. Он знал, что я не стану этого делать. Представляю, сколько сил ушло на создание имитации!

— Каждая секретарша немного влюблена в шефа? — хмыкнула я, усаживаясь обратно в кресло.

— Естественно, — самодовольно, с усмешкой подтвердил Иден, направляясь к одному

из закрытых шкафов. — Трисс Онтане уже больше двух недель томно вздыхает, когда подает мне кофе. И довольно часто остается в моем кабинете после работы...

Теперь понятно, почему он с любовницей поссорился. Перегнул палку с фальшивой секретаршей и получил за это. Или она была настоящей? Все же, судя по иронии палача, нет.

— ...А на днях трисс Онтане переехала ко мне. Наденьте!

Хотела что-то съязвить о томных секретаршах, но запнулась на полуслове — палач протягивал мне шляпку с густой вуалью и манто из серого меха. Все бы ничего, но я узнала эту шляпку! Каких-то пару часов назад она красовалась на голове месс, с которой Иден беседовал в кабинете. Эхо не ошиблось? Она действительно ушла без одежды? Вытянув шею, я покосилась на шкаф.

— Хотите узнать, вся ли одежда трисс здесь? — невинно осведомился палач. — Вся, платье вам не понравится.

— То есть она так и ушла? В панталонах?

— Почему же? Панталоны тоже здесь.

Абсурд! Я не верила, что Иден мог отобрать у девушки одежду и выставить ее на мороз. А палач с самым серьезным видом прикидывал, стоит ему открывать шкаф или нет.

Я не выдержала, подбежала к шкафу, распахнула створки. Панталоны, корсет, платье и чулки были сложены на полке аккуратной стопочкой. Трисс ушла от Идена в одних сапогах? По морозу! По сугробам!

— Будете себя плохо вести, отправлю гулять в таком же виде, — интимно прошептали мне на ухо, и я окончательно уверилась, что кое-кто наглým образом меня разыграл.

Вспомнила свою смерть и продажу «тела» медикам, насмешливо фыркнула:

— Сапоги мне можете не оставлять! Слышала, купание в снегу и прогулки по льду полезны для здоровья!

Довольная смешинками, вспыхнувшими в карих глазах палача, я вернулась в родное кресло.

— А если серьезно, кем была эта девушка? И зачем весь этот маскарад? Ведь она появилась раньше, чем вы меня встретили, так?

— Вы задаете правильные вопросы. — Иден отошел к окну, задумчиво провел пальцами по стеклу. — Девушка — будущий профессионал, тренировка не повредит.

Прогулки голышом по морозу ей, видимо, тоже вреда не причинят? Сдержалась и промолчала, даже сделала вид, что просто разглядываю чистое, без узоров инея стекло, ставшее таким благодаря недешевому бытовому заклинанию. Но палач почуял мой невысказанный скепсис и негромко хмыкнул, совершенно не беспокоясь о месс, которой пришлось прятаться в сугробах, чтобы незамеченной добраться домой.

— Маскарад нужен лично мне. Моя бывшая секретарша слишком быстро уволилась, а это подозрительно, пришлось искать причину для столь скорого ее ухода.

А потом скандалить с настоящей любовницей.

Больше мне ничего объяснять не стали, сообщили, что отныне я трисс Арлина Онтане, заставили облачиться в мешковатое манто, которое мне было велико, натянуть шляпку и задрапироваться вуалью, настолько густой, что я с трудом могла различать предметы, а не то что разбирать бумаги или варить кофе.

К карете шла, опираясь на руку Идена и мечтая поскорее прибыть в мэрию, где находился кабинет палача, чтобы убрать с лица мерзкую сетку.

Заснеженные улицы города слились для меня в сплошное серое пятно, здание мэрии,

расположенное в квартале от дворца императора, превратилось в нечто размытое.

То, что мы приехали сюда, меня ничуть не удивило — так уж сложилось, что главные ведомства империи располагались в величественном здании мэрии. Нет, у самих ведомств, конечно же, имелись отдельные здания, а тут фактически сидели их главы с помощниками, но мэр любил повторять газетчикам, что работает «за одним столом» с крупнейшими чиновниками империи. Верховный судья, главы Гильдии Магов, управляющий налоговой службой и другие почтенные лэры, отмеченные печатью власти, принимали просителей именно здесь. Поговаривали, что если бы император мог выслать из дворца своих министров и советников, то они давно бы сидели в мэрии Тариса.

О должности верховного палача я не слышала, но вполне резонно решила, что столичных палачей определили сюда как занимающих самую высокую должность в их ведомстве. Либо не стали выделять отдельное здание для пятерых служащих, решили сэкономить. Не расчленять же их на части? Насколько я знала, палачи относились сразу к нескольким ведомствам: службе исполнения наказаний, суду, сыску, — и это только те службы, аббревиатуры названий которых были мне понятны. Как и остальные имперцы, я считала, что наши чиновники не могут решить, куда приткнуть служащих столь неприглядного направления.

Пока неспешно, прогулочным шагом меня вели через фойе вверх по лестнице и по коридорам мэрии, мы с кем-то здоровались. Я — тихо, помня, что до сих пор у трисс Онтане были проблемы с голосом, Иден — бодро, лэры и трисс в ответ — с явным удивлением (у меня ведь голос прорезался!) и любопытством. Палач жизнерадостно «проговорился», что меня «вылечили», и сегодня я рискну открыть миру свое лицо.

Таким нехитрым образом мою персону представили весьма колоритной компании вельмож, спускавшейся по лестнице: мэру столицы Андерсу Биргеру, Густаву Кьеллу, одному из глав, правящих Гильдией Магов, и Константину Вальме, старшему брату императора и, по совместительству, главе его службы безопасности. Что ж, вполне закономерная встреча — скоро зимние торжества, нужно обеспечить безопасность празднеств. Естественно, Константин решил навестить обитателей мэрии и навести шороху в подвластных им структурах.

Первые два лэра изволили узнать мое имя из вежливости. Мэр остановил Регана, чтобы уточнить что-то о приведении в исполнение какого-то приговора, но потом понял неуместность столь деликатной беседы посреди лестницы. Для главы я была пустым местом — с тем же успехом Иден мог представить ему одну из колонн у входа в здание, ей бы также вежливо кивнули и посмотрели сквозь нее. А вот старший брат императора меня заставил понервничать. Архивампир пристально изучал мою ауру, и я начала сомневаться в умениях палача. Затем вспомнила, что стараниями своего работодателя переливаюсь цветами, характерными для влюбленности, и успокоилась.

Насмешливо дернув уголок губ, Вальме едва заметно поморщился. Мэр тут же отзеркалил его гримасу, старательно показывая, как он порицает мое недостойное трисс поведение. Глава Гильдии, напротив, соизволил наконец-то меня заметить и одобрительно улыбнулся палачу. А тем временем Константин Вальме (причина этой игры в гляделки) заметил кого-то внизу и откланялся. Мэр и глава отправились дальше.

По легенде, я была существом стеснительным и неуверенным в себе, лицо открыла лишь в приемной кабинета Регана. Стянув с головы шляпку, с удовольствием забросила ее на полку шкафа, предназначенного для верхней одежды палача и секретаря. Для посетителей

была гардеробная в фойе, а для особ, боящихся за свое имущество, — вешалка в углу. Повесив мanto в шкаф, я огляделась.

Приемная напоминала вагон, такая же вытянутая и длинная. Напротив входа — дверь в кабинет палача. С одной стороны три окна с темно-зелеными шторами, под ними — пара видавших виды кресел с обивкой на тон светлее. С другой — стол секретаря, стул, стеллаж с папками, вешалка и шкаф. Заглянув в последний повторно, я обнаружила на одной из полок кристаллы подогрева, переносную плитку, чашки, чайник, джезvu, две банки с чаем, кофе.

— Приступайте! — Иден постучал пальцами по стопке бумаг, возвышающихся на краю стола. — Рикард скоро придет, подскажет, если что не понятно.

Палач удалился, а я осталась одна на новом месте работы.

Я подумала об ароматном ромашковом чае, но неожиданно из коридора послышался грохот. Выбежав, увидела совершенно спокойного Идена, с любопытством изучающего массивную хрустальную люстру, приземлившуюся у его ног и только чудом не проломившую магу голову. Заметив меня, замершую в двери приемной, он равнодушно пожал плечами и потрогал пальцем вырванный с куском штукатурки крюк.

— Случайность! Повезло.

— Ага, — машинально кивнула я, наблюдая, как палач раздает распоряжения подбежавшим служащим.

Я бы и хотела поверить словам Идена, но не могла. Эхо запомнило чьи-то осторожные шаги перед тем, как палач вышел из кабинета. Ведь крюк от люстры не сам по себе решил, что ему плохо на потолке, а лучше будет на голове мага. Если бы я могла прикоснуться к самой люстре! А ее сейчас как раз собирались, завернув в плотный тент, вынести в подвал. Конечно, может, я себя зря накручивала, шаги принадлежали опоздавшему работнику. Но внутри все просто зудело от желания послушать разбитую люстру.

Иден перехватил мой сосредоточенный взгляд, едва заметно нахмурился, продолжая отчитывать слуг. Минут десять спустя, когда люстру все же унесли, а в коридоре было не протолкнуться от желающих посочувствовать лэру Регану, палач отругал меня за безделье и отправил в подвал к завхозу, чтобы отнести заявку на дополнительные кресла для посетителей.

Откопав среди бумаг на своем столе нужную, я, старательно изображая раскаяние нерадивой помощницы, заспешила по коридорам и лестницам мэрии. Разглядывать однообразные интерьеры не было ни желания, ни времени. Выяснив у гардеробщицы, где дверь в подвал, я покинула многолюдную часть здания и побежала по лестнице, ведущей в подвальные помещения, где обитал завхоз.

Длинный коридор с выкрашенными в зеленый цвет стенами и множеством дверей с табличками-номераами смутил меня всего на минуту. Еще на верхних этажах я заметила, что слуги несли люстру не слишком аккуратно — на полу то и дело оставались крохотные кусочки хрусталя. Найти нужную дверь не составило труда. Она оказалась не запертой. Кто же станет закрывать помещение с хламом? Я вошла внутрь и плотно закрыла за собой дверь. Отогнув край тента, присела на корточки.

Эхо послушно зашептало, заспешило поделиться. Увы, часть звуков безвозвратно исчезла, другую голос прошлого искажил. Я слышала быстрые, торопливые шаги, шелест, будто что-то волокут по потертому ковру, кряхтение и довольный вздох, потом опять шаги и едва слышный шорох. Но даже этого хватило, чтобы понять — люстра упала не случайно. Некто притащил что-то, откуда можно достать до потолка, сделал что-то с крюком и ушел,

не используя магию, которую Иден конечно же засек бы.

Плохой план — самонадеянный и глупый. Ведь люстра могла случайно упасть не на того. Вполне возможно, покушались не на палача, просто он неудачно хлопнул дверью, когда выходил из кабинета. А на кого покушались? И почему сделали так топорно? Это мне может объяснить Иден, а с ним я увижусь лишь вечером. Настроилась на очень долгий день и отправилась к завхозу.

Ессир О'Клини оказался полукровкой, в ауре четко просматривались характерные для оборотней звериные, темно-бордовые всполохи, которых было недостаточно для полноценного оборота. Я сделала вывод, что жилистый старик кварталон^[5]. Едва услышала его скрипучий голос и недовольное приветствие, поняла — подружиться, но будет нелегко. Радостно заулыбавшись, подала заявку завхозу.

Вредный вьедливый старик ценил прямоту и честность. Я ему прямо и сказала, что без новых кресел не уйду, буду сидеть, не давая ему спокойно пить настойку, припрятанную под столом. Пришлось выслушать гневную тираду о молодых выскочках, намеки на связь с начальством... Полчаса пререканий, и меня переквалифицировали из выскочки в деточку. Еще двадцать минут душевной беседы с предложением опробовать той самой настойки, и я в сопровождении двух техслужащих и кресел вошла в приемную кабинета Регана.

— Ты что, убила ессира О'Клини? — громко хмыкнул расположившийся за моим столом пепельный блондин с холодными серыми глазами.

— Он не выдержал пыток и сдался, — улыбнулась я в ответ. Голос парня был мне знаком, мое рабочее место оккупировал помощник Идена.

Мои помощники поставили кресла рядом со столом и ушли, а я решила проверить одно из новых приобретений на мягкость, а заодно послушать Рикарда. Если была возможность, я в первую очередь обращалась к эху прошлого и лишь потом изучала внешность новых знакомых, особенно если с ними предстояло провести некоторое время рядом. Довольно улыбнувшись, я плюхнулась в кресло, поерзав на мягком сиденье, откинулась на удобную спинку, погладила новую скрипучую кожу обивки и блаженно прикрыла глаза.

Эхо меня заинтриговало. Сидящий за столом мужчина только что прибыл от сыскарей. Он отнес туда бумаги, чем чрезвычайно разозлил лэра, закрывшего некое дело несколько месяцев назад и благополучно о нем забывшего. Делу снова дали ход, хотя суд уже вынес смертный приговор виновному, до эшафота бедняге оставалось несколько дней.

Почему палач вмешался? Он знал осужденного? Или нет? Он вытащил меня по просьбе вампиров, почему бы не сделать это снова?

Решив, что не мое это дело, я задумчиво посмотрела на старые кресла под окнами, прикидывая, как лучше пристроить новые: по порядку или чередуя с облезлыми.

— Я помогу! — сорвался с места Рикард, снимая светлый камзол. Бросив его на спинку стула, он закатал рукава синей рубашки. — Куда их?

— Туда, наверное...

Да, я не отказала себе в удовольствии переставить кресла пару раз, все равно тяжелые предметы мебели мужчина двигал, словно они были из пуха.

Пока помощник палача тасовал старые и новые кресла, я незаметно изучала его. Невысокий, крепко сбитый (такому бы молот в руки и в кузницу), при этом аристократ — мягкие, правильные черты лица, отточенные годами манеры, которые он старательно скрывал за показной бесшабашностью... и *нелюдь*! Точно. Хотя аура вполне человеческая. Тоже маскировка? Любопытно, что такого случилось в жизни Идена, что он начал окружать

себя *нечистью* под прикрытием? Или Рикард давно на него работает? Надо бы узнать.

Когда мое «ну, наверное» прозвучало десятый или одиннадцатый раз, помощник палача уселся в кресло и заявил, что без кофе больше никаких перестановок!

Пришлось варить вымогателю кофе. Рикард рассказал, что работает на Регана еще со времен, когда Иден не был палачом. Тогда он спокойно жил в своем имении на границе вампирского княжества и земель оборотней. Моя попытка незаметно выяснить, почему знатный лэр решил стать палачом, не увенчалась успехом. Пожав плечами, Рикард недовольно буркнул: «Он так решил». Затем помощник палача захватил стопку бумаг с моего стола, камзол и, жизнерадостно сообщив, что вернется вечером, убежал.

Я осталась наедине со своими догадками. Мысли все время возвращались к покушению, к эху, которое рассказало о незадачливом злоумышленнике, к самому палачу. Что, если убить пытались именно его? Неужели они так глупы, что решили прибить его люстрой? Палача, воина, мага, на пальце которого красуется перстень, созданный архимагом?

Скорее, таким образом предупреждали. Но куда Иден влез? Он ведь всего лишь палач. Его задача — привести в исполнение приговор. Может, это как-то связано с делом, которое вернули сыскарям по инициативе палача?

До возвращения Идена осталась пара часов, будет нехорошо, если я не успею привести бумаги в порядок до его прихода.

Рассортировала письма на внутренние, полученные из мэрии, и внешние, пришедшие по закрытому каналу почты, предназначенному для пересылки государственных документов. Внутренних было всего два. Внешних набралось штук двадцать, они пришли из разных городов империи, от разных людей — даже любопытно стало, что там внутри, и почему их прислали столичному палачу. Но вскрывать корреспонденцию нельзя, только слушать эхо для определения степени важности. Интуиция подсказывала, ответы на свои вопросы я получу, когда Иден решит, что мне можно доверять.

Записав все в журнал входящей корреспонденции, отложила внутренние письма в сторону. С предвкушением взяла первый конверт из внешних.

Звуки почты... шорох бумаг... стук сортировочной машины... разговоры сотрудников...

А, вот оно!

Невнятный шепот... Человек, пишущий письмо, вполголоса проговаривает слова (их не разобрать, слишком давно оно написано), тихо скрипит по бумаге перо, тикают часы...

Что-то не срочное — мужчина не торопился, не нервничал, спокойно излагал мысли на бумаге. Жаль, уже не разобрать, о чем шла речь. Положив конверт в стопку несрочных, я потянулась за следующим.

Из внешних писем, требующих безотлагательного рассмотрения, оказались лишь два. В одном писавший быстро строчил, рвал пером бумагу, ругался, менял лист и снова рвал. Наконец запечатал письмо как есть и отправил. Во втором автор постоянно дергался, вздрагивал, несколько раз прятал лист, когда к нему заходили; он кого-то в чем-то пытался убедить, сердился и снова приступал к письму.

Я быстро управилась и решила послушать прошлое (сбежавшая секретарша не давала мне покоя), но ничего интересного не попадалось — прошло больше двух недель. Реган сказал правду, месс Лисбет Скари уволилась не из-за падающих на палача люстр, а по личным причинам. Хотя, вполне возможно, эхо съело часть прошлого, и я пропустила грандиозный скандал.

Порадовала и заинтриговала фальшивая секретарша. Не знаю, кто исполнял ее роль, но

он не всегда точно придерживался сценария. Девушка, которая обеспечивала алиби, была не в восторге от вуали. Платье ей тоже не нравилось, и туфли она снимала при каждом удобном случае, а потом так своеобразно сопела, когда надевала. В общем, появились кое-какие подозрения относительно ее личности, которые я собиралась проверить при первом удобном случае.

Захотелось выпить кофе и немного побездельничать. Активировав кристалл подогрева, набрала воды из большого кувшина, насыпала в объемную джезvu пару ложек кофе. Тут и Идену на ночь хватит!

Устроившись с кружкой терпкого напитка на широком подоконнике, с щемящим чувством радости и страха смотрела, как загорается ночная иллюминация.

Тарис — бриллиант в короне городов Аркелла — готовился к сезону зимних балов. Их открывает Императорский зимний бал — самое красивое событие сезона. Его императорское величество Арвид снова разошлет приглашения фениксам, будет искренне рад увидеть сородичей и отказа не примет. Вот такое монаршее чудачество — раз в году собирать фениксов в императорском дворце. Его брат, Константин Вальме, архивампир, рожденный от первого брака, будет следовать за ним тенью, следя, чтобы лучшие воины-вампиры, охраняющие императора, не попадались на глаза. Именно поэтому они лучшие. Только темный феникс останется на виду, ему не нужно прятаться. Сейчас он один, но с появлением императрицы и наследника покажутся еще двое. Так было всегда.

А вот ненаследный принц вместе с магами-людьми наверняка будет держаться в стороне от императора. Нелюдимый, вечно мрачный Миккель Рун.

Все это я хорошо помнила.

Детей обычно на балы не брали, но у рас, где они были редкостью, это позволялось. Феникс скорее не пойдет на мероприятие, чем оставит ребенка на попечение няньки.

Жаль, тогда я еще не понимала, почему отец всегда мрачен, а мать нарочито весела...

Посмотрев на заснеженную улицу, украшенную гирляндами, я подумала, что неплохо бы прогуляться. Вдохнуть морозный воздух, посмотреть на яркие вывески магазинов, побродить у башни Розы, полюбоваться праздничным освещением императорского дворца, посидеть в каком-нибудь кафе со стаканчиком глинтвейна. Потягивая вино, наблюдать, как бегут мимо довольные имперцы, как улыбаются пары, как родители, стоя на очищенной заклинаниями от снега и льда мостовой, пытаются без ущерба для наряда вытащить из сугробов ребятню.

Как же мне всего этого не хватало! Если бы каким-то чудом из квартала вельмож исчез особняк с волками вместе со всеми его обитателями, я была бы абсолютно счастлива. Но так как особняк никуда не делся, придется довольствоваться прогулкой и кафе. К башне Розы можно съездить, наняв извозчика, чтобы не идти мимо места, которого мы с птицей боялись больше всего в жизни.

Обязательно прогуляюсь сегодня же! И я улыбнулась, представив себя на заснеженной улице внизу...

Но тут дверь приемной неожиданно распахнулась. Вошедший мужчина отыскал меня взглядом, дружелюбно улыбнулся и безукоризненно вежливо спросил:

— Добрый вечер, трисс! Лэр Реган еще не приехал? Мне назначено на пять тридцать вечера, но я решил прийти раньше.

Не в силах произнести ни слова, только отрицательно качнула головой в ответ. Я смотрела как зачарованная на красивое и порочное лицо посетителя. Когда-то я верила, что ему требуется защита...

— Видимо, не судьба. Рад, что имел честь увидеть столь очаровательную юную трисс... — Лэр Эмиль Вилфред, с явным удовольствием исследуя взглядом мою фигуру, терпеливо ждал ответа.

— Трисс Онтане, — выдавила я осипшим от волнения голосом.

— Знаю. Представлены мы не были, но я слышал о вашей... проблеме. С выздоровлением. Хотелось бы услышать ваше имя. — Зеленые изумруды глаз довольно блеснули, словно холодные льдинки. Лэр решил, что я в восторге от него, и дрожащими пальцами поправляю сбившийся подол платья, чтобы скрыть смущение.

Эмиль Вилфред был невероятно хорош собой — этаким племенной жеребец аристократических кровей вороной масти. Поведение имел соответствующее. Под личиной прожженного ловеласа скрывался опасный хищник, которому я боялась назвать свое имя, потому что мужчина, с самодовольной улыбкой наблюдающий за мной, — один из архимагов, стоящих во главе Гильдии Магов.

Двадцать лет — большой срок, но достаточный ли? Что, если мое имя напомнит ему о Лине? А лицо — о маме?

— Трисс, не бойтесь, я не стану вам докучать. Хотелось лишь узнать ваше имя, прелестное создание, — нараспев проговорил лэр.

В его голосе прорезались очаровывающие, мурлычущие нотки. Видимо, моя внешность пришлась ему по вкусу.

— Простите мою бестактность. — Эмиль грациозно скользнул к окну и нацелился на мою руку.

— Позвольте представиться: лэр Эмиль Вилфред. Можете называть меня Эмилем. — И он поцеловал мои холодные дрожащие пальцы. — А как вас зовут, милая трисс?

Зеленые глаза смотрели на меня внимательно и крайне заинтересованно. Я перестала дышать, а птица испуганно затихла. Он меня не узнал. Был лишь мужской интерес к красивой трисс. Слегка поблекшие из-за отсутствия палача признаки влюбленности на моей фальшивой ауре его ничуть не смутили. Он был уверен, что они вскоре вовсе пропадут под напором его обаяния и сменятся неземной страстью к его персоне.

Я скромно отняла руку и тихо прошептала, внутренне холодея от страха:

— Арлина!

— Красивое имя, великолепно подходит прекрасной трисс! — рассыпался в дежурных комплиментах мужчина. Сказав еще несколько заготовленных заранее и не раз проверенных на других женщинах фраз, Эмиль откланялся, заверив, что придет ровно к пяти.

А я, по-прежнему сидя на подоконнике и сжимая чашку с остывшим кофе, не могла поверить, что он меня не узнал. Мое прошлое наконец-то отступило. Я могу жить дальше, не думать об особняке с волками и не бояться встречи с Эмилем?

Да!

С одной поправкой: под личиной человека мне придется остаться огненным фениксом, иначе вьедливая память моего кошмара быстро сопоставит имя и настоящую расу с беглянкой Линой. Но это меньшее из зол. Возможно, однажды я найду способ доказать вину Эмиля. А пока я — огненный феникс, которому хочется прогуляться по ночным улицам столицы и отпраздновать свою крохотную радость.

Когда Иден вошел в кабинет, я сразу спросила: «А мне аванс, случайно, не положен?» Одежда месс-мышы осталась в Ритиле, немногочисленные вещи — там же. А деньги я потратила на подкуп вампиров. Мое платье и доставшиеся по наследству от увлекающейся закаливанием трисс шляпка и манти были собственностью палача. Так что он вполне мог выполнить угрозу, отправив меня гулять нагишом по сугробам, без права вернуться в тепло особняка, где я тоже находилась на птичьих правах. Захотят — выгонят, захотят — в подвал к соленьям переселят. Подобное положение вещей меня не устраивало.

В семнадцать лет оказавшись на улице, я, конечно бы, обрадовалась такой помощи, но после двадцати лет самостоятельной жизни зависеть от кого бы то ни было не хотелось. Именно поэтому я собиралась совместить приятное с полезным — прогулку с покупками и поиском жилья. Теперь можно спокойно жить в столице, не прятаться в захолустье — мой кошмар меня не узнал, и это было чудесно! Придется снова начинать с нуля.

Но мне давно не семнадцать, мои знания о людях уже не ничтожны. Будучи подростком, я многого не понимала, несмотря на неплохое образование, охватывающее самые различные сферы. Только спустя годы стало ясно, почему родители стремились вложить в мою голову максимальный объем знаний. Они надеялись, что Эмиль меня не тронет — несбыточная мечта! И в то же время готовились к худшему.

Жаль, у отца не сразу получилось создать фальшивую ауру огненного феникса, пришлось учиться быть взрослой одной...

Настроение испортилось, и палач это заметил. Он уже пять минут размышлял об авансе. Застывшие в моих глазах слезы и сжатые кулаки заставили его поморщиться. Мне позволили поверить в сочувствие и понимание. Хорошо, если суммы хватит на аренду небольшой квартирки — подвал и мысль о прогулке нагишом по сугробам откровенно напрягали.

Как и вопросы, оставшиеся без ответов. Почему предыдущая секретарша так поспешно уволилась, что палачу пришлось устраивать маскарад с фальшивой пассией и расставаться с настоящей любовницей? Что за история с люстрой? Кто прислал Регану те письма? И зачем?

— Хорошо, будет вам аванс! — сдался Иден. Он вытащил из кошелька денежную пластину, приложил к ней палец, активировав универсальную, недавно вошедшую в обиход карту. Дождавшись, когда от нее отделится магический дубликат, протянул мне. — Здесь тридцать процентов вашего жалованья за следующий месяц.

— Благодарю!

Представив сумму, я расплылась в довольный улыбке.

— А служебный транспорт мне выделяют? — Надо уметь пользоваться добротой начальника.

— При необходимости. — Мужчину забавлял восторг, с которым я прижимала в груди карточку.

Я поглядывала на кружащийся за окном снег и мечтала поскорее оказаться на улице.

— А медицинские услуги? — вспомнила кровь, идущую носом.

— Фениксы не болеют, — ядовито напомнил Иден, начиная раздражаться.

— На случай непредвиденных обстоятельств.

— На случай непредвиденных обстоятельств у вас есть я.

Да я кровью истеку, прежде чем мне помогут!

— Какие услуги входят в договор?

— А что, они уже понадобились? — Иден облокотился о стол и, подперев ладонью голову, окинул меня внимательным взглядом с ног до головы.

— Да! — лучисто и абсолютно искренне улыбнулась я. — Палец занозила, не поможете? — И продемонстрировала Идену палец, в подушечке которого действительно сидела крохотная заноза — результат общения с завхозом, точнее его столом.

— Булавку найти? — Карие глаза сузились в насмешливые щелочки.

Пожала плечами, борясь с желанием попросить у Идена булавку. Интересно, как он выкрутится. Благоразумие победило. Я достаточно подергала тигра за усы.

Отдала бумаги и письма, показала срочные, кратко объяснила, почему выбрала именно их. Пока Иден читал, принесла кофе.

Работой моей палач остался доволен, а вот срочные письма его разозлили. Внешне он был спокоен, лишь глаза стали черными, слишком черными для человека и живого существа вообще. Появилось желание оказаться от них подальше, но меня попросили задержаться.

На ответы палачу понадобилось десять минут и джезва кофе. Письма Иден отправил сам, после чего пригласил меня в кабинет. Наблюдая, как Реган допивает вторую джезvu, я начала опасаться за его здоровье. Маг он, конечно, сильный, болезни не страшны, да и перстень защищает. Интересно, чай по утрам палач тоже галлонами пьет?

— Так что же с люстрой? — удостоверившись, что бодрящий напиток иссяк, поинтересовался палач.

— Ей помогли свалиться. — Я покосилась на мужчину. — Кто-то принес лестницу и повредил крюк.

Иден согласно кивнул и махнул рукой, давая понять, что я могу идти. Ни удивления, ни злости, словно не в первый раз слышит предположения о покушении.

— Лэр? — Я остановилась на полпути к двери. Если не спрошу, умру от любопытства. Потому что жертвы покушения, в моем понимании, не могут спокойно перебирать бумаги, будто ничего не случилось. — Скажите, на вас часто падают люстры?

Иден отложил документы, насмешливо пожал плечами, потирая указательным пальцем висок.

— Нет, не часто. Раньше на меня падали кирпичи и подковы. Идите, Рикард и экипаж вас ждут!

И меня выставили из кабинета.

На лестнице я снова столкнулась с Эмилем. Выслушав дежурные комплименты, изобразила смущение и, довольная, вприпрыжку побежала вниз по ступенькам.

Жизнь налаживается! Эмиль Вилфред меня не узнал! Не нужно больше бояться особняка с волками! У меня есть имя и хорошо оплачиваемая работа!

Помощник палача не выглядел недовольным из-за того, что его приставили ко мне. Для окружающих я любовница Регана, и гулять одна не должна. Рикард пообещал показать некоторые значные места в городе. Я приняла его шутку за добрый знак и открыто рассмеялась, представив, как он отчитывается начальнику о поездке с юной трисс в эти самые места. О, хочу это слышать!

Помощник палача оказался достаточно общительным, забавным и порою склонным к сарказму, — в этом, без сомнения, виноват Иден со своей язвительной манерой общения.

Мы сели в темный, покрытый лаком экипаж и покатали по вечернему городу мимо острой стрелы-башни Розы, императорского дворца, особняков квартала Лилий, где жили

состоятельные вельможи и... Эмиль.

Квартал Лилий, дом восемь — кошмар, ставший реальностью.

Сердце испуганно екнуло у пятиэтажного особняка с волками, но Рикард вовремя отвлек меня, спросив о каком-то пустяке.

И меня закружило в вихре покупок. Шляпка и шубка из серебристого соболя... Ах, нет! Я же теплая блондинка. Значит, вперед — к золотистым мехам! К новому платью понадобилось новое белье, чулки, сапожки, сумочка... Так все и потратила.

На карточке осталась какая-то мелочь, на которую и половину бублика в лотке не купишь. В кафе за меня по-дружески расплатился Рикард. Вместе мы отлично провели время, много болтали, а к концу вечера условились повторить прогулку в ближайшее время, чтобы превратить общение в хорошую традицию. Впервые за последние годы я не прикидывала, где лучше послушать эхо, а просто наслаждалась прогулкой. Было невероятно хорошо, хоть я и не забывала об архимаге ни на секунду. Теперь он не вызывал прежнего ужаса.

Я изменилась, от испуганной Лины почти ничего не осталось. Если бы знала об этом раньше... Пустые мечты! Чтобы вернуть свою настоящую внешность, пришлось бы умереть...

Многие расы считают, что для фениксов этот процесс естественен, сродни смене кожи для змеи. Однако мало кто задумывается, что каждый раз мы умираем по-настоящему.

Я благодарна Идену, хоть и обидно немного, что он вогнал в мое сердце клинок неожиданно...

В холл особняка Регана входила в самом радужном расположении духа. Было уже далеко за полночь, когда мы заглянули в небольшую ресторацию. Хозяин заведения решил, что в преддверии зимних праздников клиенты захотят погулять поздним вечером, и, насладившись магической иллюминацией улиц, изрядно проголодаются. Он не прогадал. Уютный зал был переполнен. Публика исключительно приличная. Кормили тут не изысканно, зато сытно.

Я объелась! Рикард, снова оплативший счет, заявил, что моя сытая улыбка стоила потраченных денег, а то он начал опасаться за свою жизнь — еще покусая с голодухи. Я не ем помощников палачей неопределенной расы, подозреваемых в пикантных наклонностях.

На обратном пути в особняк случились две небольшие заминки.

Мы встретили кортеж ненаследного принца. Судя по всему, он в компании своей матери возвращался во дворец с какого-то приема в сопровождении Густава Кьелла.

Принц гарцевал на тонконогом коне. Его мать со своим спутником ехала в открытом экипаже. Выглядела Аделина Рун невероятно эффектно. В белых мехах, с точеными чертами лица и высокой прической с двумя выбившимися рыжими прядями, магиня напоминала изящную статуэтку. Первая жена императора вообще любила привлекать внимание, а затем наслаждаться произведенным эффектом. Хотя до нее жены правителей предпочитали вести жизнь затворниц, появляясь лишь на больших торжествах. Аделина Рун была полной противоположностью замкнутому принцу, вечно хмурому и недовольному. Только рядом с лошадьми выражение лица Миккеля Руна становилось чуть более счастливым и открытым.

Я подумала об отце, маме, о том, как мы ходили на балы. Но тут Рикард в который раз за вечер отвлек меня какой-то безделицей.

Потом мы ждали, когда по улице в направлении дворца проедет окруженная стражниками карета с гербом северного соседа империи — белым вороном в синем круге магии.

Хайран... Не самое приятное место на земле. Холодный климат, расчетливые маги. Их послы прибыли на зимние торжества. Неприятные личности. Ставят людей выше остальных рас. Точнее — людских магов. Но это не мешает их родине поддерживать дружеские отношения с империей, где правит феникс, где все расы живут по одним законам и имеют одни и те же права и обязанности.

В особняк я приехала довольная жизнью и вполне счастливая.

Прогулка на свежем воздухе и плотный ночной ужин, вопреки моим ожиданиям, не разморили, а взбодрили сильнее, чем пара галлонов кофе.

Пожелав зевающему помощнику Регана доброй ночи, я собиралась приятно продолжить вечер, примеряя новые покупки.

Скользнув пальцами по ручке входной двери, привычно послушала эхо. Так уж вышло — прежде чем войти в свой флигель, я всегда проверяла, не ждет ли внутри сюрприз. Что-то было не так.

[Купить полную версию книги](#)

notes

Месс — вежливое обращение к женщине или девушке недворянского происхождения, простолюдинке. — *Здесь и далее примеч. авт.*

Есир — вежливое обращение к мужчине или юноше недворянского происхождения, простолюдину.

Трисс — вежливое обращение к женщине или девушке дворянского происхождения, высшего сословия.

Лэр — вежливое обращение к мужчине или юноше дворянского происхождения, высшего сословия.

Квартерон (от cuarto — четверть) — потомки браков мулатов оборотней и представителей другой расы.